

то она этимъ воспользуется, какъ предлогомъ для вмѣшательства въ наши внутреннія дѣла и сдѣлаетъ изъ Японіи вторую Индію. 7) Такъ какъ Японія еще не стоитъ на равной ногѣ съ иностранными державами,—ибо то, что въ Токогамѣ стоятъ иностранные отряды, напр., англійскій и французскій, показываетъ, что съ нами обращаются, какъ съ зависимымъ государствомъ,—то терпѣливо сносить такое грубое униженіе у себя подъ носомъ и въ то же время горѣть нетерпѣніемъ наказать далекую Корею за обиду, несравненно легчайшую, является верхомъ неразумія. Дни оживленныхъ споровъ Кабинета между 14 и 23 октября 1873 г. составляютъ достопамятнѣйшую эпоху въ лѣтописяхъ Новой Японіи, ибо въ этихъ горячихъ дебатахъ, въ этой борьбѣ обѣихъ партій не за личное вліяніе или почетъ, но за истинное благо родины долженъ былъ рѣшиться вопросъ о господствѣ гражданской или военной партіи, а, слѣдовательно, объ ускореніи или замедленіи реформъ. Премьеръ-министръ и министръ Правой, не будучи въ состояніи рѣшить между собой вопросъ столь всеобъемлющей важности, въ концѣ концовъ, передали дѣло на личное благоусмотрѣніе императора, постановившаго, что войны съ Кореей быть не должно. Всѣ сторонники войны тотчасъ же вышли въ отставку, кромѣ лорда Санджо, который также просилъ объ увольненіи его отъ должности по причинѣ слабого здоровья, но котораго императоръ лично посѣтилъ въ его домѣ и, обласкавъ его, объявилъ о своемъ намѣреніи ни въ какомъ случаѣ не отпускать его. Эксъ-генералисимусъ Санго удалился въ Сатсуму, и всѣ Сатсумскіе офицеры арміи послѣдовали за нимъ, такъ что императорская гвардія была почти вся дезорганизована, и такимъ образомъ посѣяно сѣмя великой гражданской войны 1877 года.

Если война съ Кореей была популярной темой, то одновременный уходъ всѣми любимаго генералисимуса и членовъ совѣта, сторонниковъ войны, былъ событіемъ еще болѣе поразительнымъ, событіемъ, впервые имѣвшимъ мѣсто послѣ паденія правительства шогуна, и общественное возбужденіе, особенно бывшаго класса самураевъ, достигло поистинѣ опасныхъ размѣровъ. Въ январѣ 1874 г. лордъ Ивакура подвергся нападенію шайки убійцъ, отъ которыхъ спасся какимъ-то чудомъ, отдѣлавшись легкой раной. Въ февралѣ Это, одинъ изъ вышедшихъ въ отставку членовъ совѣта, поднялъ знамя возстанія въ Сага, подавленнаго кровопролитными мѣрами. Положеніе становилось все опаснѣе, и необходимо было сдѣлать что-нибудь для того, чтобы накопившемуся чувству возмущенія былъ данъ исходъ. И вотъ оставились на экспедиціи въ Формозу, какъ на предпріятіи легче всего осуществимомъ и сопряженномъ съ наименьшею опасностью для международныхъ отношеній ¹.

Формозская экспедиція и Тіенцзинскій договоръ 1874 г. Окончательное рѣшеніе вопроса о Ліу-кѳу.

Походъ на Формозу рѣшенъ былъ въ началѣ апрѣля 1874 г., и генераль-лейтенантъ Юримичи Сайго, племянникъ великаго Сайго, на-

¹ Въ іюлѣ 1873 г., т. е. незадолго до кабинетскаго кризиса, японская джонка снова подверглась нападенію дикарей на восточномъ берегу Формозы, причемъ у четырехъ японскихъ подданныхъ было отнято все ихъ имущество и имъ еле удалось спастись самимъ съ невѣроятными трудностями.

значенъ былъ командующимъ морскими и сухопутными силами экспедиціоннаго отряда. Генераль-майоръ Таки и вице-адмиралъ Акаматсу назначены ему въ помощники. Шигеоми Окума назначенъ начальникомъ вновь учрежденнаго бюро по Формозскимъ дѣламъ, а операціонной базой избранъ Нагасаки.

Отрядъ, численностью въ 3655 человѣкъ, посаженъ былъ на американскій пароходъ, нанятый для этой цѣли, и американецъ, нѣкто г. Лизандеръ, былъ приглашенъ въ совѣтники; но вслѣдствіе протеста посланника Соединенныхъ Штатовъ въ Токио противъ дѣйствій, нарушающихъ нейтралитетъ его правительства, договоръ съ пароходомъ пришлось расторгнуть и совѣтника отпустить.

Какъ только извѣстіе объ этомъ фактѣ дошло до Китая, онъ сталъ дѣятельно готовиться къ протесту. Нужно помнить, что завѣреніе, полученное Соединенной во время пребыванія въ Пекинѣ отъ министровъ Ямена въ томъ, что формозскіе варвары находятся внѣ притязаній китайскаго вліянія и культуры, было словеснымъ; такъ что они всегда съ полнымъ правомъ могли утверждать, что офиціально они никогда не признавали этого положенія. Можно было опасаться серьезныхъ осложненій, и императорское правительство, отказавшись отъ своихъ намѣреній, послало Окубо въ Нагасаки задержать отправленіе экспедиціи. Но Иоримичи Сайго и слышать не хотѣлъ объ этомъ.

Онъ боялся еще болѣе грозныхъ осложненій внутри страны, между прочимъ того, какъ бы военный духъ народа не упалъ вслѣдствіе опасенія дипломатическихъ затрудненій. Онъ предложилъ взять на себя всю отвѣтственность и доказывалъ, что если протестъ Китая приметъ серьезную форму, то японское правительство можетъ отвѣтить, что Иоримичи Сайго дѣйствовалъ безъ полномочій и даже противъ желанія императорскаго правительства. Экспедиція отправилась въ путь и съ 6-го по 22 мая 1874 г. дѣло наказанія было приведено въ исполненіе, правда съ чрезвычайными трудностями, такъ какъ дикари заняли позиціи среди неприступныхъ горъ и утесовъ.

Китай протестовалъ громче, чѣмъ когда бы то ни было; министры ямена обратились къ нашему министру Янагиварѣ, въ то время находившемуся въ Шанхаѣ, а губернаторъ Фокіена къ нашему консулу въ Амоѣ. По прибытіи Янагивары въ Пекинъ министры ямена многократно посылали ему ноты, съ обвиненіемъ Японіи въ „набѣгѣ на китайскую территорію“, въ „поджогахъ и ограбленіи Формозскихъ жителей“, въ „нарушеніи договора мира и дружбы“ и т. д., и демонстративно дѣлали военныя приготовленія. Значить, соотвѣтственныя приготовленія должны были вестись и съ нашей стороны, и нѣкоторое время будущее представлялось въ очень мрачномъ свѣтѣ.

Японское правительство назначило члена совѣта и министра внутреннихъ дѣлъ Окубо нашимъ полномочнымъ министромъ и послало его въ Пекинъ для переговоровъ о Формозскихъ дѣлахъ. Посольство прибыло въ Пекинъ 10 сентября, а переговоры тянулись съ 14 числа этого мѣсяца до 30 октября. Съ самаго же начала Окубо занялъ наступательную позицію и запросилъ министровъ ямена, что сдѣлано Китаемъ для обузданія и воспитанія формозскихъ варваровъ, и на чемъ они основываютъ свои притязанія на верховенство надъ этой частью острова, которая населена ими, и если это китайская территорія, то почему же они оставляютъ разбои этихъ варваровъ безъ наказанія. Министры ямена въ доказательство суверенитета Китая приводили оф-

официальную географію Формозы, но даже и въ этой географіи встрѣчались такіа фразы, какъ: „горные варвары за предѣлами китайской территоріи“, „за предѣлами китайскаго вліянія и образованности“ и т. п. Они также указывали на фактъ уплаты дани, какъ на доказательство суверенитета, но эти дани не уплачивались варварами, а въ сущности были лишь цѣной, уплачивавшейся китайскими купцами за право монопольной торговли съ варварами. Въ опроверженіе наше посольство приводило данныя изъ китайской исторіи и изъ европейскихъ трудовъ по географіи, а также указывали и на то, что министры ямена неоднократно заявляли консулу Соединенныхъ Штатовъ и посольству Соединенныхъ Штатовъ „не включаются въ китайскую территорію“, что они находятся „въ вѣдѣ цивилизующаго вліянія Китая“ и т. п., и настаивали на томъ, что согласно международному праву страна не можетъ претендовать на суверенитетъ на ту часть территоріи, надъ которой она не осуществляетъ власти управленія. На этотъ послѣдній доводъ министры отвѣтили, что территоріальная администрація относится къ области внутренней политики, такъ что этотъ вопросъ является нарушеніемъ третьей статьи договора мира и дружбы, предусматривающей взаимное невмѣшательство во внутреннія дѣла. Они замѣтили также, что такъ называемое „международное право“ составляетъ право западныхъ народовъ, котораго Китай не имѣлъ случая изучить.

Между тѣмъ въ Токио нетерпѣливые элементы общества громко распространяли слухи, что китайское правительство дурачить посольство Окубо, стараясь выгадать время для окончанія военныхъ приготовленій. И что будто бы съ окончаніемъ приготовленій оно намѣрено немедленно прервать сношенія и объявить войну. Токійское правительство сочло за нужное обратить вниманіе Окубо на эти слухи.

Наконецъ, 10 октября Окубо послалъ пекинскому правительству ультиматумъ, въ которомъ требовалъ не позже пяти дней отвѣта, согласенъ ли Китай отказаться отъ всякихъ притязаній на суверенитетъ надъ территоріей варваровъ, или же принять на себя отвѣтственность передъ Японіей за оставленіе разбоевъ безъ наказанія. По просьбѣ министровъ ямена представленіе отвѣта было отсрочено на три дня, а 18-го министры ямена посѣтили отель, гдѣ помѣщалось наше посольство. Они уже соглашались считать фактъ оставленія варваровъ безъ наказанія небрежностью со своей стороны, а нашу экспедицію справедливой; но вмѣсто возмѣщенія убытковъ они предлагали уплатить извѣстную сумму въ видѣ подарка семьямъ лѣнщиковъ, убитыхъ формозскими варварами, при условіи, чтобы мы очистили островъ. Они даже не хотѣли установить сумму обоюднымъ соглашеніемъ и отказывались выдать какое-либо письменное обязательство. Окубо, разумѣется, не согласился на столь уклончивыя условія и предложилъ, чтобы предварительная эвакуація острова было уплачено 3.000.000 іенъ вознагражденія по письменному договору; такимъ образомъ, переговоры снова затянулись до 23-го числа, въ каковой день Окубо объявилъ свою миссію законченной, и увѣдомилъ ямень, что Японія остается при своемъ правѣ наказать варваровъ и считаетъ ихъ территорію безхозяйною. Отъѣздъ былъ назначенъ на 26-е, и въ этотъ день часть посольства дѣйствительно отбыла въ Шанхай но тутъ вмѣшался британскій посланникъ въ Пекинѣ, м-ръ Уэдъ.

Уэдъ уже раньше намекалъ Окубо, что вопросъ о войнѣ или мирѣ между Японіей и Китаемъ не можетъ быть безразличенъ для него,

такъ какъ въ Китаѣ живетъ 200 англійскихъ купцовъ, и что онъ лично желаетъ удостовѣриться, дѣйствительно ли главное затрудненіе создается китайскимъ правительствомъ. Легко понять, что чувству китайца больше всего претила мысль объ уплатѣ Небесной Имперіей „вознагражденія“ маленькому островному государству. Имъ хотѣлось избѣжать слова „вознагражденіе“ ибо такая сумма, какъ 3.000.000 рю, все же имѣетъ видъ вознагражденія; слѣдовательно, необходимо было уменьшить и самую сумму. Онъ сообщилъ, что ямень готовъ уплатить сейчасъ 100.000 рю для раздачи семействамъ пострадавшихъ, а 400.000 рю въ возмѣщеніе различныхъ расходовъ, понесенныхъ японскимъ правительствомъ, имѣютъ быть уплачены послѣ эвакуаціи. Между 3.000.000 и 500.000 разница не маленькая, но Окубо нужны были не деньги. Поэтому онъ предложилъ свое согласіе на слѣдующихъ условіяхъ: 1) Китайское правительство признаетъ экспедицію правомѣрнымъ предпріятіемъ. 2) Всѣ дипломатическіе документы, обмѣненные между правительствами по поводу Формозской экспедиціи, будутъ возвращены, и все дѣло будетъ считаться какъ бы вовсе не бывшимъ. 3) Китайское правительство уплатитъ японскому 100.000 рю вспомошествованія пострадавшимъ японскимъ подданнымъ, а 400.000 за проложенныя Японіей дороги и построенныя общественныя зданія на Формозѣ. Эти пункты были приняты китайцами, и 31 октября 1874 г. былъ подписанъ Тиенцзинскій договоръ.

„Принцъ Кунгъ и (слѣдуютъ имена девяти министровъ Пунгъ-ли-ямена) уполномоченные Великаго Цина согласились обсудить пункты и составить документъ съ уполномоченнымъ Великой Японіи Окубо, членомъ совѣта и министромъ внутреннихъ дѣлъ. Каждое государство имѣетъ право защищать своихъ подданныхъ отъ обидъ и для этой цѣли издаетъ соответственные законы. Если обида случается въ другомъ государствѣ, то это другое государство должно уладить дѣло. Грубые варвары Формозы однажды незаконно причинили вредъ населенію, подвластному Японіи, и японское правительство, чтобы заставить сказанныхъ варваровъ отвѣтить за свои поступки, послало войска наказать ихъ. Нынѣ японское правительство обсуждало съ китайскимъ правительствомъ условія эвакуаціи и характеръ будущихъ отношеній и подписало слѣдующіе пункты:

Статья 1.—То, что Японія сдѣлала въ этомъ случаѣ, было вызвано справедливымъ желаніемъ защитить своихъ подданныхъ, и китайское правительство считаетъ это правомѣрнымъ.

Статья 2.—Китайское правительство уплатитъ опредѣленную сумму семьямъ потерпѣвшихъ. Оно желаетъ также удержатъ за собою дороги, проложенныя Японіей, и зданія, возведенныя ею на Формозѣ, и согласно возмѣститъ расходы, означенные въ прилагаемомъ протоколѣ.

Статья 3.—Всѣ документы, обмѣненные между обѣими договаривающимися сторонами, имѣютъ быть взаимно возвращены и уничтожены, дабы не оставить никакихъ поводовъ для несогласій въ будущемъ. Что касается Формозскихъ грубыхъ дикарей, то китайское правительство обязуется издать законы и охранять безопасность мореплаванія въ будущемъ строгимъ запретомъ своеволия.

Экспедиція обошлась въ 9.550.000 іенъ, вслѣдствіе чего 400.000 рю (одинъ китайскій рю составляетъ немного больше японской іены) не

являлись соразмѣрнымъ вознагражденіемъ за нее; но этимъ договоромъ было приобрѣтено то огромное преимущество, что Китай соглашался считать населеніе Ліу-кіу состоящимъ въ подданствѣ Японіи. Въ этомъ и состояла единственная цѣль и намѣренія Окубо.

Японское правительство, воспользовавшись въ полной мѣрѣ вновь завоеваннымъ положеніемъ, теперь спѣшило стереть всякіе слѣды двойственной зависимости Ліу-кіу. Въ 1875 году Матсуда, секретарь министерства внутреннихъ дѣлъ, посланъ былъ на острова объявить о прибытіи туда гарнизона въ составѣ части дивизіи Кумамото. Въ то же время онъ приказалъ королю ввести японскій календарь и прекратить уплату подати Китаю. Но и король, и населеніе Ліу-кіу настаивали на продолженіи двойного протектората и уклонялись отъ выполненія приказаній, осаждая японское правительство нескончаемыми просьбами и жалобами.

Въ 1876 г. въ Ліу-кіу былъ введенъ имперскій судъ, но прежнее правительство не желало передавать ему на разсмотрѣніе текущіе дѣла. Мало того, король отправилъ въ Токио одного изъ своихъ сыновей съ порученіемъ убѣдить японское правительство въ необходимости двойственной зависимости для благосостоянія островного населенія, и свыше десяти разъ просилъ Японію о признаніи таковой. Увидя бесплодность своихъ усилій, посольство Ліу-кіу отправило письма къ посланникамъ Китая, Соединенныхъ Штатовъ, Франціи, Голландіи и др., съ просьбой о вмѣшательствѣ. Въ этихъ письмахъ Китай величался „Великимъ Циномъ“, а Японія — просто Японіей. Встрѣчались также выраженія въ родѣ: „нація, въ сущности незначительная“. Но ни одна изъ державъ не пожелала вмѣшаться, ни даже Китай, передъ которымъ стоялъ болѣе важный вопросъ объ отнятіи Или (Кульджи) у Россіи.

Въ мартѣ 1879 г. Матсуда былъ въ третій разъ отправленъ въ Ліу-кіу съ нѣсколькими полицейскими и отрядомъ дивизіи Кумамото; онъ потребовалъ отъ короля, чтобы тотъ передалъ территорію и населеніе въ распоряженіе императорскаго правительства. Это требованіе было исполнено менѣе чѣмъ въ десять дней. Нынѣ Ліу-кіу представляетъ собой одну изъ самыхъ мирныхъ провинцій имперіи¹.

Вопросъ о Сахалинѣ.

1875 годъ достопамятенъ во многихъ отношеніяхъ. Въ области внутренней политики въ этомъ году былъ сдѣланъ первый шагъ къ установленію конституціонной формы правленія. Мы уже говорили объ уходѣ въ отставку Санго, Итагаки, Сойеджимы, Гото и др. изъ-за корейскаго вопроса. Вопросъ о Формозѣ привелъ къ отставкѣ еще одного изъ творцовъ Новой Японіи, Кидо, по мнѣнію котораго наказаніе формозскихъ варваровъ было противорѣчіемъ со стороны кабинета министровъ, воспротивившагося наказанію гораздо болѣе виновныхъ корейцевъ. Членъ совѣта и министръ финансовъ Инуйе также вышелъ въ отставку, ибо его строгая экономія не отвѣчала воззрѣ-

¹ Бывшій президентъ Соединенныхъ Штатовъ генераль Грантъ, какъ разъ въ это время совершавшій кругосвѣтное путешествіе въ качествѣ частнаго лица, употребилъ все свое личное вліяніе для предотвращенія конфликта между Японіей и Китаемъ по поводу Ліу-кіу.

шіямъ его коллегъ. Съ прямою, характерной для патриотизма государственныхъ мужей Японіи, министры Окубо и Ито сошлись на свиданіе съ представителями враждебнаго лагеря Итагаки и Кидо, и вошли въ соглашеніе относительно преобразованія управленія на конституціонныхъ началахъ. Ихъ примиреніе привело къ тому, что Кидо и Окубо возвращено было первоначальное званіе членовъ Совѣта, а 14 апрѣля 1875 г. былъ изданъ знаменитый императорскій указъ, которымъ учреждался Верховный Имперскій Судъ и объявлялось объ открытіи сената и собранія губернаторовъ провинцій, какъ учреждений, предшествующихъ установленію представительнаго органа правленія.

Англійское и французское правительства, съ 1863 г. державшія въ Иокосамѣ по 1500 солдатъ въ казармахъ, построенныхъ и отремонтированныхъ за счетъ японскаго правительства, теперь нашли эту мѣру излишней и по собственному почину очистили городъ 25 февраля 1875 г.

Въ этомъ же году былъ наконецъ разрѣшенъ и столь долго стоявшій на очереди вопросъ о Сахалинѣ. Еще ранѣе, въ

1871 г. членъ императорскаго совѣта Соеджима былъ посланъ въ заливъ Посѣта для переговоровъ съ находившимся тамъ русскимъ губернаторомъ относительно установленія границъ; но онъ не добился опредѣленныхъ результатовъ. Не большаго успѣха добилось и посольство Ивакуры, ведшаго переговоры въ Петербургѣ. Тѣмъ временемъ русскіе воспользовались неопредѣленнымъ положеніемъ Сахалина и, введя мѣстное управленіе въ Александровскѣ, распространили сферу своего вліянія во всѣ стороны, проникнувъ даже въ южныя части острова, занятія японскими рыбаками.

Уже сдѣлавшись министромъ иностранныхъ дѣлъ, Соеджима узналъ о продажѣ Россіей Аляски Соединеннымъ Штатамъ, и ему пришло въ голову продать ей часть Сахалина къ югу отъ 50° широты, на которую она заявляла притязанія. Министръ финансовъ Окума соглашался

Айны. (Мужъ и жена).

ассигновать 2.000.000 рю, и японскіе уполномоченные вступили въ переговоры съ русскимъ повѣреннымъ въ дѣлахъ. Когда русское правительство отказалось отъ этого предложенія, то Сойеджима сдѣлалъ другое: присоединить острова Урупъ, Кунашири и Итурупъ къ Японіи и уступить весь Сахалинъ Россіи на томъ условіи, чтобы послѣдняя согласилась пропускать японскія войска по русской территоріи въ случаѣ войны съ какой-нибудь континентальной державой (Сойеджима безъ сомнѣнія имѣлъ въ виду вторженіе въ Корею съ сѣвера). Въ мартѣ 1873 г., когда вопросъ о границахъ еще дожидался разрѣшенія, Сойеджима, какъ мы выше говорили, былъ отправленъ къ пекинскому двору, а когда вернулся, въ августѣ того же года, къ нему однажды явился министръ Соединенныхъ Штатовъ въ Токио и частнымъ образомъ познакомилъ его съ намѣреніемъ русскаго правительства уступить Японіи всѣ права на Сахалинъ. Но чуть ли не въ тотъ же день его посѣтилъ членъ совѣта Итагаки и передалъ ему, что японскій кабинетъ только что рѣшилъ послѣдовать взглядамъ, выраженнымъ въ мемуарахъ Куроды, директора соединеннаго бюро Іезо и Сахалина, и представить Россіи весь Сахалинъ, на какихъ-либо условіяхъ или безъ таковыхъ, какъ придется. По мнѣнію Куроды островъ не стоилъ денегъ, какія потребовались бы на приведеніе его въ культурное состояніе, ибо не только климатъ его крайне холоденъ, но и почва бѣдна и бесплодна; кромѣ того, до тѣхъ поръ, пока Японія будетъ обладать частью его, для нея всегда будетъ существовать опасность столкновенія съ Россіей. Русскій представитель въ Токио не замедлилъ узнать о рѣшеніи, къ которому пришло токійское правительство, и вступилъ въ переговоры съ Сойеджимой, какъ единственнымъ лицомъ, противившимся уступкѣ всего острова Россіи.

Послѣ удаленія Сойеджимы отъ должности, Мунерори Терашима, бывшій первымъ изъ министровъ Японіи при Сентъ-Джемскомъ дворѣ, былъ назначенъ министромъ иностранныхъ дѣлъ, а вице-адмиралъ Эномото отправленъ былъ въ качествѣ полномочнаго министра и чрезвычайнаго посла въ Россію съ порученіемъ уладить вопросъ о Сахалинѣ. Онъ имѣлъ инструкціи побудить Россію согласиться на установленіе какой нибудь естественной границы между японскими и русскими владѣніями на Сахалинѣ, а въ случаѣ притязаній Россіи на весь островъ, побудить ее признать суверенитетъ Японіи надъ всей Курильской группой. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ Японія должна была потребовать отъ Россіи возмѣщенія расходовъ на устройство дорогъ и другія работы, произведенныя на Сахалинѣ, а также охраны ея рыбныхъ ловель въ сосѣднихъ моряхъ.

Во время переговоровъ съ правительствомъ Токугавы Россія охотно соглашалась признать три острова Курильской группы японской территоріей, ровно какъ и открыть Сахалинъ для доступа японскимъ рыбакамъ; теперь же, ставъ твердою ногою на Сахалинѣ, она долго отказывалась выслушивать какія бы то ни было условія, предлагавшіяся вице-адмираломъ, пока, наконецъ, надвигавшаяся съ Балканъ гроза не заставила князя Горчакова согласиться на подписаніе договора отъ 7 мая (25 апрѣля русскаго календаря) 1875 года.

Договоръ состоитъ изъ восьми статей; первая изъ нихъ устанавливаетъ Лаперузовъ проливъ границей между Россіей и Японіей. Во второй статьѣ перечислены острова Курильской группы, признанные японской территоріей, и проливы между островомъ Шимшу и мысомъ Ра-

бакка признаны границей между обѣими имперіями. Третья статья устанавливаетъ, что передача господства надъ Сахалиномъ, со всѣми правами, вытекающими изъ онаго, должна произойти тотчасъ же послѣ обмѣна ратификацій, причемъ оба правительства должны назначить чиновниковъ для надзора за соблюденіемъ формальностей, необходимыхъ для передачи. Четвертая статья удостовѣряетъ, что всѣ публичныя строенія и земли, принадлежащія японскому правительству на Сахалинѣ и русскому правительству на Курильскихъ островахъ, должны перейти въ ихъ взаимное владѣніе при условіи уплаты новымъ собственникомъ вознагражденія за строенія и движимое имущество, по оцѣнкѣ, имѣющей быть произведенной упомянутыми въ третьей статьѣ чиновниками. Пятая статья касается подданства японцевъ на Сахалинѣ и русскихъ на Курильскихъ островахъ, которымъ гарантируется свобода выбора подданства и обѣщается защита ихъ имущества, труда и богослуженія на тотъ случай, если они пожелаютъ остаться на той же территоріи, сохраняя прежнее подданство. Въ шестой статьѣ Россія, въ возмѣщеніе готовности Японіи уступить ей весь Сахалинъ, соглашается предоставить Японіи слѣдующія преимущества: 1) Японскія суда, прибывающія въ Корсаковский портъ, освобождаются отъ таможенныхъ и портовыхъ пошлинъ на десять лѣтъ, а Японское правительство имѣетъ право назначить въ вышесказанный портъ своего консула; 2) Японскія суда и торговцы должны пользоваться всѣми правами и привилегіями, какими пользуются суда и торговцы наиболѣе благопріятствуемой націи, относительно рыбной ловли и мореплаванія въ портахъ Охотскаго моря и вдоль Камчатскаго побережья. Седьмая и восьмая статьи касаются полномочій вице-адмирала, первоначально переданныхъ ему по телеграфу, и обмѣна ратификацій, который долженъ былъ состояться въ шестимѣсячный срокъ со дня подписанія договора.

Если о потерѣ Сахалина японцамъ и стоило жалѣть, то мы, по крайней мѣрѣ, можемъ утѣшать себя тѣмъ, что договоръ 1875 г. былъ составленъ въ духѣ полного равенства и въ выраженіяхъ, вполне почетныхъ для достоинства Японіи, тогдашнее положеніе которой сильно отличалось отъ нынѣшняго.

Корейскій вопросъ въ 1876 г.

Во время обмѣна ратификацій Эномото — Горчаковскаго договора 1875 г. въ Токио, — въ октябрѣ того же года, Корейскій вопросъ снова взволновалъ японское общество. Въ 1874 г. Корейскій король достигъ совершеннолѣтія и взялъ управление страной въ свои руки; но это былъ человекъ слабовольный, всецѣло находившійся подъ вліяніемъ королевы, обладавшей несравненно болѣе сильнымъ характеромъ; поэтому ея родственники, члены фамиліи Бинъ, захватили въ свои руки всю власть. Вновь образованный кабинетъ Биновъ противился политикѣ покойнаго регента и отца короля, замыкавшася отъ иностранцевъ и враждебно настроеннаго къ Японіи. Однако въ 1875 году Тай-ин-кунъ снова достигъ власти и его агитація противъ чужестранцевъ вскорѣ возымѣла свое дѣйствіе.

20 сентября 1875 г. японскій военный корабль „Уніокванъ“ бросилъ якорь въ устьѣ рѣки Ханъ; въ то время какъ офицеры и матросы были заняты береговыми измѣреніями, фортъ Эйсо, при входѣ

въ портъ Нинсень, открылъ по нимъ огонь. На слѣдующій день японскій корабль бомбардировалъ фортъ, высадивъ отрядъ матросовъ, атаковалъ гарнизонъ Эйсо, захватилъ тридцать восемь орудій и убилъ или ранилъ столько же корейцевъ.

Когда извѣстіе объ этомъ достигло Токио, тамъ снова стали громко раздаваться голоса, требовавшіе войны, и Сойеджима изъ своего уединенія посовѣтовалъ лорду Ивакурѣ предпринять рѣшительный шагъ. Но именно въ это время главные члены совѣта разошлись между собою по вопросу о преобразованіи императорскаго кабинета, и до декабря нельзя было выяснить никакого опредѣленнаго курса относительно Кореи; къ этому же времени генералъ-лейтенантъ Курода былъ назначенъ главнымъ чрезвычайнымъ комиссаромъ въ Корею, а бывший министръ финансовъ Инуйе въ товарищи ему. Два всенныхъ корабля и нѣсколько тысячъ солдатъ на четырехъ транспортахъ должны были сопровождать посольство, но цѣль его была мирная, ибо комиссары имѣли инструкцію использовать этотъ случай для заключенія договора мира и дружбы съ Кореей, а въ случаѣ она откажется — подождать рѣшенія своего правительства, прежде чѣмъ прибѣгать къ оружію.

Посольство оставило берега Японіи 6 января 1876 г. и въ это же время Юрей Мори, бывший посланникъ въ Вашингтонѣ, отправленъ былъ въ Китай въ качествѣ полномочнаго министра и чрезвычайнаго посла для переговоровъ съ китайскимъ правительствомъ относительно корейскихъ дѣлъ. Ли-хун-чангъ въ то время уже стоялъ во главѣ управленія иностранныхъ дѣлъ Сѣвернаго Китая и, хотя онъ настаивалъ на вассальной зависимости Кореи отъ Китая, однако отклонилъ отъ себя всякую отвѣтственность за дѣйствія ея по отношенію къ Японіи. Лихунчангъ не одобрялъ намѣренія Японіи наказать Корею за канонаду по японскому военному кораблю, который, по его мнѣнію, не имѣетъ права производить съемки въ территоріальныхъ водахъ Кореи. На это Мори возражалъ, что Японія не высылала экспедиціонныхъ войскъ въ Корею, а только намѣрена была заставить ее открыть страну для международныхъ сношеній и войти въ договорныя отношенія съ Японіей. Что касается съемокъ, то, по заявленію министра Мори, онѣ вызывались очевидною необходимостью, ибо берега Кореи особенно опасны для международнаго мореплаванія, сама же Корея не желала производить никакихъ измѣреній. Несомнѣнно было, по крайней мѣрѣ, то, что со стороны Китая нечего опасаться противодѣйствія, покуда Японія не попытается присоединить къ себѣ Корею и ограничивается лишь желаніемъ заставить Корею отказаться отъ политики полной изолированности.

Японскіе комиссары сыграли тогда въ Корей совершенно такую же роль, какую сыгралъ командиръ Перри, когда явился въ Японію въ 1853 г. Первое свиданіе съ корейскими чиновниками въ Коква произошло 10 февраля 1876 г.; по свидѣтельству корейскихъ лѣтописцевъ, съ этого самаго дня при корейскомъ дворѣ воцарились совершенно небывалые раздоры и усобица. Тай-ин-кунъ самымъ рѣшительнымъ образомъ противился малѣйшей мысли о вступленіи съ Японіей въ договорныя отношенія и предлагалъ кабинету взять на себя нѣло защиты страны, въ случаѣ если отказъ Кореи повлечетъ за собой войду. Большинство министровъ и членовъ совѣта раздѣляли взгляды Тай-ин-куна, только министръ юстиціи Боккензіу и китайскій переводчикъ Йокей-яку сильно настаивали на необходимости открыть стра-

ну для внѣшнихъ сношеній и на опасности попытокъ избѣжать этого съ помощью оружія. 12-го корейцы попросили десятидневной отсрочки, которая и была имъ дана. 20-го числа вопросъ еще былъ не рѣшенъ, и японское посольство объявило о своемъ намѣреніи уѣхать 22-го. По истеченіи десятидневнаго срока корейцы попросили отсрочки еще на нѣсколько дней, но японскіе комиссары не согласились на это, отправились на корабль и оставались на немъ нѣсколько дней; однако 26-го корейское правительство согласилось на договоръ и подписало его на слѣдующій день. Говорятъ, что сторонники открытія страны для внѣшнихъ сношеній одержали наконецъ верхъ надъ вліятельными членами партіи королевы, включая и министра-президента Ли-сай-во, перешедшаго на сторону новаго политическаго курса для того, чтобы отнять власть у Тай-ин-куна. Такимъ образомъ, въ Корейскій вопросъ о закрытіи или открытіи страны для иностранцевъ переплелся съ борьбою за власть придворныхъ партій.

Договоръ 27 февраля 1876 г., называемый Коквасскимъ трактатомъ, является первымъ дипломатическимъ документомъ, когда либо подписаннымъ Кореей съ современными народами и замѣчательнымъ во многихъ отношеніяхъ. Первая статья, являющаяся настоящей манифестаціей со стороны Японіи противъ притязаній Китая на суверенитетъ надъ Кореей, гласитъ слѣдующее:

„Чозень (Корея), будучи независимымъ государствомъ, пользуется такими же верховными правами, какъ и Ниппонъ (Японія)“.

„Чтобы доказать искренность дружбы, существующей между обѣими націями, сношенія между ними отнынѣ будутъ вестись на условіяхъ равенства и вѣжливости; каждая нація должна избѣгать давать поводъ къ обидѣ высокоумѣреннымъ отношеніемъ или проявленіями подозрительности“.

„Прежде всего надлежитъ окончательно упразднить всѣ правила и обычаи, могущіе нарушить дружескія отношенія, а на ихъ мѣсто должны быть введены либеральныя и общепринятые законоположенія, способныя обезпечить прочный и долговременный миръ“.

Вторая статья касается обмѣна посольствами, а третья опредѣляетъ, что официальнымъ языкомъ для сношеній между обѣими правительствами будетъ китайскій языкъ. Въ четвертой и пятой статьяхъ поселокъ Соріо въ Фузанскомъ порту назначается мѣстомъ поселенія японцевъ и мѣстомъ торговаго обмѣна между Японіей и Кореей; въ тѣхъ же статьяхъ Корея обѣщаетъ открыть Японіи въ извѣстный срокъ еще два порта; въ силу этой статьи въ 1880 и 1883 годахъ дѣйствительно были открыты Гензанъ и Нинсенъ, правда, значительно позже первоначально назначеннаго срока. Шестая статья говоритъ о помощи, на которую въ правѣ разчитывать японскія суда, прибывающія въ корейскіе порты, и корейскія суда, прибывающія въ японскіе порты, по причинѣ бурной погоды для исправленія поврежденій, по недостатку топлива или провизіи, а равно и потерпѣвшіе крушеніе матросы, пассажиры, грузъ и т. п. Седьмая статья подтверждаетъ право Японіи производить съемки Корейскихъ береговъ въ виду того, что омывающія Корею моря особенно опасны для мореплаванія. По восьмой статьѣ Японія получаетъ право назначать консуловъ въ каждый изъ корейскихъ договорныхъ портовъ, а девятая ограждаетъ свободу торговли въ слѣдующихъ выраженіяхъ:

„Такъ какъ между обѣими договаривающимися сторонами устана-

вливаются дружественныя отношенія, подданные ихъ свободно могутъ вести свои дѣла безъ вмѣшательства властей какого-либо изъ правительствъ, то и торговля не должна подвергаться ни ограниченіямъ, ни запрещенію. Если какой-либо купецъ одной изъ странъ учинить мошенничество или откажется заплатить долгъ, то власти того или другого правительства должны приложить всѣ старанія къ тому, чтобы привлечь виновнаго къ судебной отвѣтственности или заставить уплатить долгъ“.

„Ни японское правительство, ни Чозенъ не отвѣчаютъ за уплату такихъ долговъ“.

Десятая статья сохраняетъ за Японіей право внѣземельной юрисдикціи въ уголовныхъ дѣлахъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ:

Фукузава.

Виконтъ Мори.

„Если японскій подданный, пребывающій въ какомъ-либо изъ открытыхъ портовъ Чозена, совершитъ преступленіе надъ подданнымъ Чозена, то онъ долженъ быть судимъ японскими властями. Если подданный Чозена совершитъ преступленіе противъ японскаго подданнаго, то онъ долженъ быть судимъ властями Чозена. Каждый изъ правонарушителей долженъ быть караемъ по законамъ своей страны. Правосудіе должно быть равно и непристрастно оказываемо каждой изъ сторонъ“.

Одиннадцатая статья касается составленія торговыхъ правилъ спеціальными комиссарами, а двѣнадцатая и послѣдняя статья признаетъ договоръ обязательнымъ со дня подписанія безъ ратификаціи его монархами Японіи и Кореи. Въ приложеніи -- граница, до которой дозволяется удаляться японцамъ, путешествующимъ по Корей, устанавливается въ десять корейскихъ ри (около двухъ англійскихъ миль) отъ открытыхъ портовъ; впоследствии, однако, эти предѣлы были значительно расширены.

Нужно замѣтить, что во всемъ договорѣ нѣтъ ни одной статьи о положеніи корейцевъ въ Японіи, равнымъ образомъ Корея не пользуется правомъ назначать консуловъ въ Японію. По циркуляру министра юстиціи, въ январѣ 1883 г., корейцы въ Японіи признаны подлежащими отвѣтственности въ японскихъ судахъ согласно уголовнымъ законамъ Японіи.

Въ маѣ 1876 г. первое корейское посольство, въ составѣ около

пятнадцати человекъ съ товарищемъ церемоніймейстера во главѣ, прибыло въ Токио и было принято императоромъ. Расходы посольства по пребыванію въ Японіи были оплачены японскимъ правительствомъ; посламъ дали возможность осмотрѣть правительственные заводы, школы и т. д., но повсюду, гдѣ корейцамъ приходилось сталкиваться съ европейцами и американцами, первые обнаруживали замѣтное неудовольствіе.

Договоръ 1876 г. является первымъ яснымъ выраженіемъ внѣшней политики Японіи относительно Кореи. Политика присоединенія, при всей своей доступности, съ самаго же начала была отвергнута въ виду возможнаго столкновенія съ Китаемъ (а въ послѣдствіи и съ Россіей); но зато ни Китай, ни какая-либо другая нація не должны были предъ-

Кидо.

Окубо.

являть какихъ-либо притязаній на сюзеренитетъ надъ Кореей и этимъ нарушать свободу японской націи вести торговлю съ Кореей на началахъ свободнаго соревнованія.

Такъ сдѣланъ былъ первый шагъ къ рѣшенію корейскаго вопроса, но рѣшеніе это, не нужно забывать, было лишь частичнымъ, ибо независимость Кореи была только провозглашена Японіей, но еще не признана Китаемъ. Китай былъ заинтересованъ въ этомъ дѣлѣ больше исторически, чѣмъ коммерчески или экономически. Ему трудно было согласиться называть независимой державой государство, въ исторіи фигурировавшее въ качествѣ одного изъ его вассальныхъ владѣній. Поэтому такія пустыя формальности, какъ посылка Кореею ежегоднаго посольства съ подарками къ Пекинскому двору и полученіе корейскимъ королемъ инвеституры отъ Сына Неба, продолжали еще соблюдаться самымъ тщательнымъ образомъ. Но эти номинальныя притязанія на сюзеренитетъ могли въ любую минуту превратиться въ реальныя, а пока существовала такая опасность, интересы Японіи въ Корей не могли считаться обезпеченными. Поэтому сведеніе счетовъ съ Китаемъ стояло на первой очереди.

Корейскій вопросъ въ 1882 г.

Въ годъ, послѣдовавшій за первымъ разрѣшеніемъ корейскаго вопроса, случилось величайшее со времени установленія въ Японіи

новаго императорскаго правительства событіе — именно гражданская война Кагошимы. Сайго, глава старой партіи, стоявшей за войну съ Кореей, удалился въ консервативную провинцію Сатсуму со своими сторонниками, офицерами императорской арміи; вида, что кабинетъ министровъ все больше и больше удаляется отъ его идеаловъ, онъ, въ концѣ концовъ, поднялъ знамя возстанія въ Кагошимѣ и сталъ готовиться къ походу на Токио. Восемь мѣсяцевъ длилась въ юго-западныхъ провинціяхъ страшно-кровопролитная борьба, изъ которой императорская армія вышла побѣдительною, хотя и съ большими потерями въ людяхъ и имуществѣ. Послѣдніе остатки стараго режима были такимъ образомъ сокрушены, и Японія могла теперь отдаться съ большею свободой дѣлу своего развитія. Въ составѣ лицъ, руководившихъ управленіемъ, произошли большія перемѣны. Кидо умеръ отъ болѣзни въ началѣ войны, Сайго палъ на полѣ битвы, а вскорѣ послѣ того Окубо былъ убитъ фанатичными послѣдователями Сайго; на первый планъ выдвинулись такіе государственные дѣятели, какъ Ито, Инуйе, Ёримичи, Окума и Матсуката. Инуйе сдѣлался членомъ совѣта и министромъ иностранныхъ дѣлъ въ сентябрѣ 1878 г.

Внутренняя исторія Японіи въ годы, послѣдовавшіе за гражданской войной Кагошимы, характеризуется большимъ подъемомъ общественной мысли, требовавшей введенія конституціоннаго образа правленія. Такъ какъ о насильственныхъ мѣрахъ къ тому, чтобы вызвать перемѣну въ устройствѣ императорскаго правительства, не могло быть и рѣчи, то лица, недовольныя тогдашнимъ положеніемъ дѣлъ, считали созывъ народнаго собранія единственнымъ средствомъ для осуществленія своихъ политическихъ идеаловъ. Движеніе это привело къ великому императорскому манифесту 12 октября 1881 г., въ которомъ было обѣщано на 1890 годъ обнародованіе конституціи, и къ посылкѣ Ито съ многочисленной свитой чиновныхъ лицъ и студентовъ въ Европу съ порученіемъ произвести необходимыя изслѣдованія въ видахъ выработки будущей конституціи имперіи (въ февралѣ 1882 г.).

Въ Корейское положеніе вещей въ теченіе первыхъ четырехъ—пяти лѣтъ послѣ подписанія перваго договора съ Японіей очень напоминало состояніе Японіи въ годы, послѣдовавшіе за первымъ подписаніемъ временнаго договора мира и дружбы съ Соединенными Штатами. Въ Корей, такъ же какъ и въ Японіи, возникъ антагонизмъ между партіями приверженцевъ и противниковъ иностранцевъ, съ той лишь существенной разницей, что въ то время какъ въ Японіи разногласія диктовались чисто патріотическими, безкорыстными мотивами съ обѣихъ сторонъ,—въ Корей къ нимъ примѣшивались личныя, эгоистическія побужденія; различныя придворныя партіи старались использовать выгоды политическаго момента въ цѣляхъ захвата власти въ свои руки. Этотъ фактъ, въ связи съ слабостью короля, обусловилъ крайне низкое, чтобы не сказать варварское состояніе Кореи въ періодъ съ 1876 г. по 1882 г.

Въ 1877 г. Ханабуса былъ отправленъ въ Корею въ качествѣ повѣреннаго въ дѣлахъ, а въ 1880 г., когда было закончено зданіе японскаго посольства въ Сеулѣ, Ханабуса сдѣланъ былъ министромъ-резидентомъ. Хотя сношенія съ Кореей были, такимъ образомъ, поставлены на формальный базисъ, однако какъ правительство, такъ и населеніе Кореи отказывались имѣть что-либо общее съ японцами, которыхъ они презирали такъ же сильно, какъ и прежде. Однажды,

въ октябрѣ 1878 г., корейское правительство установило высокій запретительный тарифъ на всѣ привозные товары, съ цѣлью уничтожить торговлю съ Японіей въ Фузанѣ, и отмѣнило эту мѣру только послѣ протестовъ Ханабусы и японскаго консула въ Фузанѣ, указывавшихъ, что это нарушение договорныхъ обязательствъ. Далѣе, въ апрѣлѣ 1879 г., когда командиръ, офицеры и матросы японскаго военного корабля Ханабуса прогуливались по улицамъ Торай, близъ Фузана, вокругъ нихъ собралась толпа и стала бросать въ нихъ камнями, такъ что экипажу пришлось защищаться выстрѣлами изъ ружей, которыя они взяли съ собой для самозащиты.

Управление все еще находилось въ рукахъ партіи королевы, подписавшей договоръ съ Японіей, но характерно, что эти лица въ дѣйствительности вовсе не были приверженцами сношеній съ Японіей. Ихъ временное выступленіе въ пользу Японіи было лишь средствомъ лишить Тай-ин-куна правящей власти. Достигнувъ этого, они намѣревались отнаться въ сторону Китая. Китай пользовался большей популярностью и въ ихъ глазахъ былъ лучшимъ, нежели Японія, защитникомъ ихъ интересовъ. Какое положеніе занималъ Китай по отношенію къ Корей послѣ вступленія ея въ новыя отношенія съ Японіей, можно узнать изъ слѣдующаго письма, отправленнаго Лихунчангомъ въ 1881 г. одному изъ членовъ правящей партіи и показаннаго этимъ послѣднимъ корейскому королю:

„Японія въ послѣдніе годы усвоила нравы и обычаи европейскихъ народовъ и предприняла сотни новыхъ дѣлъ, клонящихся къ увеличенію ея богатства и могущества. Но въ дѣйствительности казначейство ея пусто, а долги растутъ съ каждымъ годомъ, такъ что она вынуждена вести политику расширенія, чтобы покрыть дефицитъ. Слѣдовательно, сосѣдніе съ нею народы должны соблюдать крайнюю бдительность. Корея лежитъ къ сѣверу отъ Японіи, Формоза къ югу, и именно на эти страны Японія и зарится больше всего. Жадность Японіи, разсчитывающей на свое искусство въ обманѣ, прекрасно иллюстрируется дѣломъ Лиу-киу, который она въ концѣ концовъ присоединила къ себѣ. Вашей странѣ лучше быть насторожѣ“.

Такимъ образомъ политика Китая заключалась въ томъ, что онъ старался привлечь къ себѣ Корею, пугая корейцевъ, что Японія будто бы намѣрена присоединить къ себѣ полуостровъ, и превращая такимъ образомъ свой чкто историческій сюзеренитетъ надъ Кореей въ реальный. Это былъ источникъ серьезныхъ международныхъ осложненій въ будущемъ.

Но Корея въ эту пору не совсѣмъ была лишена людей, которые могли предвидѣть великую будущность, ожидавшую Японію, и желали укрѣпить дѣйствительно хорошія отношенія съ нами для блага своей родины или, по крайней мѣрѣ, для закрѣпленія своего вліянія сравнительно съ двумя соперничавшими партіями Тай-ин-куна и родственниковъ королевы. Душою этой новой партіи былъ честолюбивый молодой человѣкъ, по фамиліи Кинъ, по имени Кин-гюк-кинъ, привлекшій на свою сторону Боку-эй-ко, родившагося въ очень знатной семьѣ и состоявшаго номинальнымъ супругомъ ¹ одной изъ принцессъ королев-

¹ Когда въ Корей принцесса крови выходитъ замужъ за подданнаго, то совершается только брачная церемонія, совмѣстное же жителство ихъ, какъ мужа и жены, не имѣетъ мѣста.

скаго дома. Джо-ко-ханъ также принадлежалъ къ этой партіи. Они послали въ Японію буддійскаго жреца Ли-то-джина для того, чтобы онъ ознакомилъ японскихъ государственныхъ дѣятелей съ ихъ воззрѣніями, а позже отправили въ Японію еще двухъ людей, Ли-кен-гу и Таку-тей-шоку, съ письмами къ министру юстиціи Ивакурѣ и члену совѣта Инуйе. Эти три лица возвратились въ Корею, повидавъ Японію и познакомившись съ японскими государственными дѣятелями; но вмѣсто того, чтобы явиться за инструкціями Кин-гіок-кину и Боку-эй-ко, они перешли въ отдѣленіе партіи Бинъ, состоявшее изъ Бин-тай-ко, его сына Бин-эй-йоку, Ко-эй-шоку, и его друзей; тѣ представили жреца Ли-то-джина королю и предложили ему сдѣлать монарху докладъ обо всемъ, что онъ видѣлъ въ Японіи. Въ результатъ король рѣшилъ послать въ Японію экспедицію изъ десяти лицъ для наблюденія и изученія этой страны; японское же правительство съ полной готовностью показывало корейцамъ все, что только возможно было:—отъ внутренняго устройства правительственныхъ учреждений, банковъ и школъ, до почтовыхъ и телеграфныхъ конторъ, астрономическихъ и метеорологическихъ обсерваторій включительно. Такимъ образомъ, король и нѣкоторые члены фамиліи Бинъ стали японизироваться, но такъ какъ большинство членовъ семьи королевы все еще враждебно отнеслись къ этой мысли, то Кин-гіок-кинъ былъ сосланъ въ отдаленную провинцію, а жреца Ли-то-джина они заставили умертвить.

Въ 1881 г., когда правительство партіи королевы стало очень непопулярнымъ благодаря поборамъ и тиранническому обращенію его чиновниковъ съ населеніемъ, Кин-гіок-кинъ былъ возвращенъ изъ ссылки и въ согласіи съ Боку-эй-ко и Джо-ко-ханомъ пытался произвести реформы въ управленіи. Сознавая слабость своихъ силъ для выполненія этой задачи, Кин-гіок-кинъ и Джо-ко-ханъ добились черезъ Бинъ-эй-йоку, чтобы ихъ отправили на правахъ полу-официальнаго посольства въ Японію, дабы они лично могли посоветоваться съ нашими государственными дѣятелями о способахъ преобразованія Кореи подъ руководствомъ Японіи. Эти два корейца прибыли въ Токио въ январѣ 1882 г., съ какаго времени и ведутъ свое начало попытки нѣкоторыхъ политическихъ и государственныхъ дѣятелей Японіи стать руководителями Кореи даже и въ чисто внутреннихъ дѣлахъ ея.

Такимъ образомъ, въ началѣ 1882 г. при корейскомъ дворѣ ясно намѣчались три различныхъ партій: партія Тай-ин-куна, въ то время стоявшая вдали отъ власти, но въ соприкосновеніи съ солдатами и всѣми реакціонными элементами страны; группа изъ партіи королевы, рассчитывавшая на Китай, и партія Кин-гіок-кина, Боку-эй-ко, Джо-ко-хана, съ частью фамиліи Бинъ, покровительствовавшей имъ, пытавшаяся найти новый источникъ власти въ Японіи.

Миръ былъ нарушенъ партіей Тай-ин-куна, ловко воспользовавшейся недовольствомъ солдатъ и народа для устройства переворота въ іюль 1882 г., направленнаго противъ обѣихъ враждующихъ партій. Одинъ изъ членовъ партіи королевы, Бин-кен-ко, державшій въ своихъ рукахъ финансы корейской арміи, присвоилъ себѣ солдатское жалованье за нѣсколько мѣсяцевъ, когда же онъ и выплатилъ часть его, его подчиненные украли изъ этой суммы извѣстную долю. Голодные солдаты напали на младшихъ казначеевъ, которые бѣжали въ домъ своего начальника и облыжно взвели на солдатъ разныя преступленія. Бин-кен-ко приказалъ арестовать мнимыхъ главныхъ зачинщиковъ и

приговорилъ ихъ къ смертной казни. Тогда возсталъ весь гарнизонъ и убѣжалъ къ Тай-ин-куну, который наружно успокоилъ солдатъ, втайнѣ же подстрекалъ ихъ къ общему возстанію, имѣя въ виду двойную цѣль: умертвить королеву и членовъ фамиліи Бинъ и очистить Корею отъ ненавистныхъ японцевъ. Солдаты захватили арсеналъ и съ примкнувшей къ нимъ толпой корейцевъ, численностью въ нѣсколько тысячъ человѣкъ, напали на японское посольство вечеромъ 23 іюля 1882 г. На слѣдующее утро они убили тогдашняго министра-президента Ли-сай-во въ его домѣ; ворвавшись въ королевскій дворецъ, они убили Бин-кен-ко, заведывавшаго финансами арміи, и другихъ ненавистныхъ чиновниковъ. Королева и другіе члены ея партіи скрылись, то же сдѣлали и члены японской партіи. Разъяренные солдаты окружили короля и требовали, чтобъ онъ указалъ имъ мѣсто убѣжища королевы. Онъ не хотѣлъ этого сдѣлать, и жизни его ужъ грозила неминуемая опасность, какъ явился Тай-ин-кунъ; успокоивъ солдатъ, онъ потребовалъ у короля диктаторскихъ полномочій на управленіе военными и гражданскими дѣлами государства. Въ теченіе десяти послѣдовавшихъ дней политическіе противники Тай-ин-куна подверглись проскрипціи и были умерщвлены въ числѣ 300 человѣкъ. Королева также была объявлена скончавшеюся и надъ ней совершена была придворная церемонія оплакиванія, какъ говорятъ, для того, чтобы легче было открыть ея мѣстопребываніе.

О нападеніи на японское посольство въ Сеулѣ капитанъ Мидзуно, военный атташе, рассказываетъ слѣдующее: Въ поздній послѣобѣденный часъ 23-го числа министр-резидентъ Ханабуса получалъ такую анонимную записку:

„Страшно тороплюсь, не могу писать много, толпа мятежной черни съ примкнувшими къ ней солдатами собирается, какъ видно, напасть на ваше посольство. Приготовьтесь защищаться, и если они дѣйствительно нападутъ, не лучше ли вамъ уйти отъ бѣды, хотя бы и съ помощью оружія?“

Нѣсколько минутъ спустя послѣ шести часовъ нѣсколько тысячъ корейцевъ окружили посольство и съ громкими криками стали бросать камни въ его обитателей. Они подожгли сосѣдній домъ, огонь вскорѣ охватилъ и зданіе посольства. Изъ двадцати пяти лицъ, находившихся въ то время въ посольствѣ, оружіе имѣли только капитанъ Мидзуно, его ординарецъ, полицейскій приставъ и пять городскихъ. Городовые охраняли парадныя ворота, сорванные съ петель, а посланникъ оставался внутри зданія и укладывался въ дорогу. Затѣмъ лица, находившіяся въ посольствѣ, столпились компактной кучей, помѣстивъ въ середину посла и національный флагъ, и врѣзались въ самую гущу толпы, убивъ около двадцати корейцевъ прежде, чѣмъ удалось прочистить дорогу для японцевъ. Ханабуса сперва направился со своимъ отрядомъ къ дому сеульскаго губернатора, обязаннаго защищать посольство; найдя все помѣщеніе пустымъ, онъ отправился къ королевскому дворцу (дипломатическія обязанности не позволяли ему оставить столицу безъ отпуска отъ монарха, при которомъ онъ былъ аккредитованъ), но такъ какъ всѣ входы во дворецъ оказались наглухо запертыми передъ нимъ, то онъ объявилъ свою миссію законченной и отправился въ Нинсенъ, куда прибылъ въ три часа пополудни на слѣдующій день. Въ Нинсенѣ отрядъ былъ привѣтливо встрѣченъ мѣстными корейскими властями, предложившими Ханабусу для жилья свои собственные дома; они спокойно предавались здѣсь отдыху, сушили платья, намоченныя отъ дождя,

какъ вдругъ на нихъ неожиданно напали портовые солдаты, вооруженные лучше сеульской черни, и четверо полицейскихъ и нѣсколько другихъ лицъ были убиты или ранены при защитѣ посла. Отрядъ, усиленный нѣсколькими японскими офицерами и студентами, жившими въ Чемульпо, сѣлъ въ небольшую джонку со скуднымъ запасомъ провизіи, и, проведя ночь на островѣ вблизи Чемульпо, поплылъ утромъ искать иностранный корабль, производившій, какъ ему было извѣстно, береговья измѣренія въ теченіе послѣднихъ дней. Вечеромъ 26 числа бѣглецы были подобраны англійскимъ дозорнымъ судномъ *Flying Fish* и, благодаря чрезвычайной любезности его командира, они благополучно добрались до Нагасаки 29-го іюля.

Изъ Нагасаки Ханабуса телеграфировалъ въ Токио и сталъ ждать инструкцій. Инуйе былъ еще министромъ иностранныхъ дѣлъ; немедленно были созваны на совѣщаніе премьеръ-министръ лордъ Санджо, министръ юстиціи лордъ Ивакура, министръ иностранныхъ дѣлъ Инуйе и члены совѣта: Курода, Ямагата, Терашима, Оки, Ямада, Матсуката. Курода, подписавшій договоръ 1876 г., настойчиво совѣтовалъ войну, но лордъ Ивакура и Инуйе предлагали завязать мирные переговоры; не прійдя до поздней ночи ни къ какому опредѣленному рѣшенію, министры и члены совѣта разошлись съ намѣреніемъ возобновить совѣщаніе на слѣдующее утро въ присутствіи императора и передать дѣло на его личное усмотрѣніе. Инуйе указалъ, что событіе 23 іюля является, по всей вѣроятности, плодомъ агитаціи противъ иностранцевъ, подобно тому, какъ это было въ Японіи послѣ открытія первыхъ сношеній съ иноземными націями, когда фанатики—самураи сожгли британское посольство въ Токио; а если это такъ, то было бы преждевременно наказывать корейское правительство за движеніе, котораго оно не въ состояніи остановить. Онъ предложилъ еще разъ отправить Ханабусу въ Корею въ сопровожденіи четырехъ или пяти военныхъ судовъ и выяснить, что можетъ и хочетъ сдѣлать корейское правительство для исполненія нашего требованія объ удовлетвореніи. Внимательно выслушавъ доводы каждого изъ присутствующихъ, императоръ рѣшилъ отправить въ Корею мирное посольство и поручилъ выполненіе этого дѣла Инуйе. Министръ иностранныхъ дѣлъ немедленно созвалъ посланниковъ державъ, имѣвшихъ представителей въ Токио; прочтя имъ телеграмму Ханабусы и познакомивъ ихъ съ намѣреніями императорскаго правительства, онъ спросилъ ихъ, является ли, по ихъ мнѣнію, Корея независимымъ государствомъ, или нѣтъ. Всѣ они отвѣтили, что, по ихъ мнѣнію, Корея — государство независимое. Удовлетворившись этимъ отвѣтомъ, Инуйе тотчасъ же отправился въ Нагасаки и, давъ подробныя наставленія Ханабусѣ, послалъ его въ Корею въ сопровожденіи трехъ военныхъ кораблей и 800 человекъ экипажа. Генераль-майоръ Такашима и контръ-адмиралъ Нире должны были отправиться вслѣдъ за нимъ съ 1,150 человекъ экипажа.

Но между переворотомъ 23 іюля и вторымъ прибытіемъ Ханабусы со спеціальной миссіей потребовать удовлетворенія—въ Сеулѣ появился на сцену новый факторъ. Партія королевы, внезапно лишенная власти партіей Тай-ин-куна, попросила помощи у Китая черезъ посредство своихъ сторонниковъ Кин-ин-шоку и Го-ин-чюу, находившихся во время переворота въ Китаѣ; Ли-хун-чангъ немедленно отдалъ приказъ генералу Го-чо-кей, полковнику Эн-сей-гай и адмиралу Тей-джо-шо двинуться въ Корею съ морскими и сухопутными силами. Самое имя

Китай вселяло страхъ и почтеніе въ сердце каждаго корейца, и Тай-ин-кунъ не только былъ не въ силахъ противиться вмѣшательству сюзеренной державы, но даже склоненъ былъ искать ея помощи для встрѣчи грозы, надвигавшейся изъ Японіи.

Ханабуса прибылъ въ Нинсенъ 12 августа 1882 г. и, несмотря на настойчивыя требованія корейцевъ войти въ Сеулъ безъ эскорта или отложить въѣздъ до того времени, когда будутъ готовы приличные зданія для расквартированія солдатъ, 16-го явился въ Йоквазинъ, расположенный въ часъ ходьбы отъ столицы. Здѣсь его снова просили остановиться на три дня въ виллѣ, принадлежавшей Тай-ин-куну, и разные корейскіе чиновники являлись къ нему подъ всевозможными предлогами, стараясь убѣдить его отсрочить вступленіе въ городъ; но Ханабуса и слышать не хотѣлъ объ этомъ. Подвигаясь къ столицѣ, онъ уже замѣтилъ превосходныя китайскія силы, расположившіяся вокругъ четырехъ воротъ, и теперь только понялъ смыслъ настоящихъ корейскихъ чиновниковъ. Они либо ждали предписаній отъ Ли-хун-чанга, либо хотѣли дать китайскимъ войскамъ время занять выгодныя позиціи. Они теперь уже развязно заявили ему, что главные министры осматриваютъ китайскія военныя суда и потому не могутъ тотчасъ же принять японскаго посла. Ханабуса немедленно потребовалъ аудіенціи у короля, но министры отказывались дать ее, подъ тѣмъ предлогомъ, что 17 и 18-го при дворѣ предстоятъ важныя религіозныя церемоніи. Японскій посолъ согласился ждать, прибавивъ, однако, что отъ исхода его миссіи зависитъ миръ или война между Японіей и Кореей, что нежеланіе Кореи оказать посольству надлежащій приемъ будетъ истолковано въ томъ смыслѣ, что она не желаетъ мира; будетъ ли ему дана аудіенція, или нѣтъ, но 19 августа онъ явится къ королю. 19-го король отправилъ къ Ханабусѣ посланца, которому поручилъ передать его сожалѣніе по поводу того, что онъ не могъ принять его по случаю болѣзни, и назначалъ аудіенцію на другой день въ полдень. Тѣмъ временемъ генералъ-майоръ Такашима и контръ-адмиралъ Нире прибыли съ подкрѣпленіями.

Аудіенція состоялась въ назначенное время. Послѣ обычнаго обмѣна любезностями Ханабуса вручилъ королю ультиматумъ, содержащій въ себѣ требованіе объ удовлетвореніи, и добавилъ на словахъ, что въ послѣднюю минуту, когда дипломатическія отношенія между двумя націями готовы были прерваться, правительство Японіи остановилось на этомъ требованіи единственно изъ желанія сохранить добрыя отношенія; что отъ отвѣта правительства Кореи зависитъ продолженіе или нарушеніе мира между обѣими націями и что онъ будетъ ждать этого отвѣта въ теченіе трехъ дней, т. е. до полудня 23-го августа. Онъ просилъ также короля назначить отвѣтственнаго министра для веденія переговоровъ, и король назначилъ министра-президента Ко-джун-боку уполномоченнымъ со стороны Кореи.

Послѣ аудіенціи главный инициаторъ государственнаго переворота Тай-ин-кунъ принялъ посольство въ другой части дворца, оказалъ Ханабусѣ и его свитѣ знаки чрезвычайнаго вниманія и расположенія и вообще держалъ себя такъ, какъ будто былъ совершенно ни причѣмъ въ послѣднихъ событіяхъ. Онъ проявилъ столько дипломатическаго искусства, что при угощеніи посольства чаемъ нарочито подавалъ его въ отборнѣйшемъ японскомъ фарфорѣ, на японскихъ подносахъ, и каждому изъ гостей собственноручно роздалъ по корейскому вѣеру изъ аистовыхъ перьевъ.

Такъ какъ корейское правительство все еще пыталось затянуть дѣло, то Ханабуса напомнилъ, что ультиматумъ есть дѣйствительно ультиматумъ и трехдневный срокъ, назначенный для отвѣта, ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть измѣненъ. Тѣмъ не менѣе министр-президентъ 22-го числа объявилъ, что ему нужно отправиться внутрь страны по дѣламъ службы, такъ что переговоры не могутъ начаться еще въ теченіи нѣсколькихъ дней. Это прямо уже указывало на то, что корейское правительство, въ сущности, не желаетъ кончить дѣло непосредственными переговорами. Ханабуса назначилъ свой отъѣздъ на слѣдующій день и послалъ Ко-джун-боку ноту, въ которой горячо укорялъ его въ неискренности и увѣщевалъ хорошенько обсудить положеніе, пока еще не поздно.

Однако вѣсти, пришедшія теперь въ Сеулъ, съ достаточной ясностью освѣтили положеніе дѣлъ. Адмиралъ Тей-джо-шо, за нѣсколько дней передъ тѣмъ возвратившійся въ Китай, снова явился въ корейскій портъ Нунію съ шестью броненосцами и двумя транспортами, на которые посажено было шесть гарнизоновъ отборныхъ солдатъ Лихунчанга. 23-го, черезъ нѣсколько часовъ послѣ отбытія японскаго посольства въ Нинсенъ, китайскій посланецъ Бекенъ-чю прибылъ въ Сеулъ въ паланкинѣ высшаго корейскаго сановника, впереди котораго бѣжали корейскіе солдаты въ качествѣ глашатаевъ. Безъ сомнѣнія это былъ вѣстникъ, котораго корейское правительство ожидало или должно было дожидаться прежде, чѣмъ вступить въ переговоры съ Японіей. Положеніе, въ которомъ теперь очутилось японское правительство, было крайне досадное, ибо его удаленіе въ Нинсенъ имѣло видъ бѣгства передъ болѣе сильными китайцами. Когда секретарь японскаго посольства оставлялъ 24 августа Сеулъ, то корейцы съ презрѣніемъ уже швыряли въ него камни.

Несомнѣнно, что китайскими приготовленіями имѣлось въ виду утратить Японію въ случаѣ, если бы ея требованія оказались чрезмерными, но наша мудрая умѣренность, повидимому, побудила Бакен-чю поступить иначе, чѣмъ онъ первоначально предполагалъ. 24-го, когда Ханабуса еще находился въ Нинсенѣ, Бакен-чю явился къ нему съ визитомъ и предложилъ быть посредникомъ между Японіей и Кореей, увѣривъ его вмѣстѣ съ тѣмъ, что онъ вмѣшивается въ корейскія дѣла не потому, чтобы Корея находилась въ зависимости отъ Китая, а по чисто дружескимъ побужденіямъ. Ханабуса отклонилъ это предложеніе, но Бакен-чю настойчиво просилъ его отложить свой отъѣздъ, въ виду того, что имѣются положительныя надежды на дружественное разрѣшеніе возникшаго затрудненія. 25-го числа Ханабуса отдалъ въ Чемульпо визитъ Бакен-чю, который вслѣдъ затѣмъ возвратился въ Нинсенъ.

Затѣмъ со стороны китайскаго правительства послѣдовалъ чрезвычайно смѣлый шагъ, напоминающій о происшествіи съ болгарскимъ княземъ Александромъ, случившемся четырьмя годами позже. Китайскіе командиры Го-чо-кей, Тей-джо-шо и Эн-сей-гай заманили Тай-инкуна въ свой лагерь и, лишивъ его свободы, отправили плѣнникомъ въ Тьенцзинъ, а оттуда въ Потіентъ, гдѣ онъ и былъ заключенъ въ теченіе многихъ лѣтъ! Затѣмъ китайцы вывѣсили на главныхъ улицахъ Сеула объявленія слѣдующаго содержанія:

„Корея — вассалъ Китая, отъ котораго она заимствовала свои обычаи и мораль. Въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ вліятельные министры

узурпировали власть, и управление стало дѣломъ частныхъ фамилій, отъ чего происходятъ безчисленные злоупотребленія и преступленія, въ концѣ концовъ приведшія къ крупнымъ безпорядкамъ въ истекшемъ іюлѣ мѣсяцѣ. Угроза жизни королевы, непочтительное обращеніе съ королемъ, оскорбленіе частныхъ лицъ и чиновниковъ — все это безпорядки самаго тяжкаго свойства. Но каждый безпорядокъ долженъ имѣть свою причину, заключающуюся либо въ сосредоточеніи власти въ рукахъ знатныхъ фамилій, либо въ интригахъ злонамѣренныхъ царедворцевъ. До Высокаго Престола дошли свѣдѣнія, что главнымъ подстрекателемъ является отецъ короля, и его величество (т. е. китайскій императоръ), сильно разгнѣвавшись, посылаетъ войска, дабы онъ явился къ императорскому двору и далъ отчетъ въ своемъ поведеніи“....

Такъ объяснили китайцы похищеніе Тай-ин-Куна, но въ дѣйствительности это была попытка Лихунчанга использовать борьбу корейскихъ партій для усиленія китайскаго вліянія въ этой странѣ. Партія королевы снова получила власть при содѣйствіи китайской арміи и, по совѣту китайскихъ командировъ, она выказала готовность вступить въ переговоры съ японскимъ посольствомъ.

Ханабуса со свитой уже сѣлъ на корабль, какъ на разсвѣтъ 26 числа ему было доставлено отъ корейскаго министра-президента письмо, въ которомъ выражалось искреннее желаніе уладить дѣло мирнымъ путемъ. Ханабуса согласился отложить свой отъѣздъ на два дня, и переговоры открылись въ Чемульпо поздно вечеромъ 28 числа, а 30 августа 1882 г. былъ подписанъ трактатъ.

По этому трактату Корея обѣщала въ теченіе двадцати дней наказать въ присутствіи японскихъ чиновниковъ лицъ, виновныхъ въ нападеніи на японцевъ; если бы корейское правительство не исполнило этого въ назначенный срокъ, то Японія имѣла право послать въ Корею свою полицію для задержанія и наказанія виновныхъ. Корея должна была устроить погребальную церемонію въ честь японскихъ чиновниковъ убитыхъ во время безпорядковъ. Она обязалась также выплатить Японіи вознагражденіе въ 500.000 іенъ, годичными взносами по 100.000 іенъ (впослѣдствіи взносы уменьшены до 50.000 іенъ). Японія получила право содержать въ Корей отрядъ солдатъ для охраны своего посольства, но если бы ничего не случилось въ теченіе года и японскій посланникъ въ Корей призналъ бы дальнѣйшее нахожденіе военной силы излишнимъ, этотъ отрядъ имѣлъ быть удаленнымъ. Корея также должна была послать въ Японію комиссара съ письмомъ короля, содержащимъ извиненіе за безпокойство.

По дополнительному договору граница для путешествій японцевъ, пребывающихъ въ открытыхъ портахъ Кореи, имѣла быть немедленно отодвинутой до 50 корейскихъ ри, а по истеченіи второго года со дня обмѣна ратификаціями — до 100 ри. Вдобавокъ къ уже открытымъ портамъ для торговли съ Японіей долженъ былъ быть открытъ Іоква-тинъ въ теченіе года. Японскимъ посланникамъ и консуламъ съ ихъ семьями дано было право путешествовать внутри Кореи съ паспортами, а корейскіе областные губернаторы обязаны были давать имъ охрану.

Въ октябрѣ 1882 года Корея отправила въ Японію Боку-эй-ко въ качествѣ главнаго комиссара, Кин бан-шоку товарищемъ комиссара, а Джо-ко-хана секретаремъ, съ письмомъ и подарками отъ своего короля императору Японіи, который принялъ ихъ на аудіенціи въ Токійскомъ

дворцѣ. Одновременно съ ними прибыли министръ финансовъ Бинъ-эй-йоку, Кинъ-гіок-кинъ и Ли-фук-кванъ, принятые императоромъ въ частной аудіенціи. Сношенія этихъ людей съ высшими кругами Японіи несомнѣнно привели къ усиленію японской партіи въ Корей.

Корейскій вопросъ въ 1884 году.

Князь Ивакура принужденъ былъ по болѣзни покинуть свою политическую дѣятельность, а въ іюлѣ 1883 г. онъ умеръ.

Двѣ недѣли спустя вернулся Ито изъ Европы, гдѣ онъ изучалъ конституціонныя системы Англіи, Германіи и Австріи; онъ и Инуйе сдѣлались центромъ политической жизни въ Токио. Изученіе германскихъ законовъ, германской политики и германской системы управления вошло въ моду, и Инуйе принялся систематически европеизировать Японію, чтобы поднять ее на одну ступень съ западными націями и этимъ путемъ облегчить и подготовить послѣднюю задачу новаго императорскаго правительства — пересмотръ договоровъ съ иностранными державами.

7-го іюля 1884 г. учреждены были пять степеней дворянскаго достоинства и, кромѣ стариннаго придворнаго дворянства и прежнихъ дайміосовъ, которые получили дворянское достоинство въ началѣ новой эры, — еще многимъ самураямъ, посвятившимъ свои силы новому правительству, было пожаловано дворянство. Лордъ Санніо и преемникъ лорда Ивакуры были возведены въ княжеское достоинство, а Ито, Инуйе, Ямагатѣ, Сойеджимѣ, Окумѣ, Матсукатѣ и пр. было пожаловано графское достоинство. (Ито и Ямагата потомъ еще получили титулъ маркизовъ).

Многія западныя державы послѣдовали примѣру Японіи и вступили въ соглашеніе съ Кореей: Англія, Америка и Германія въ 1883 г. и Россія въ 1884 г.

Многіе политическіе дѣятели Японіи, какъ, напр., графъ Гото, а также Фукузава, основатель Кеймо-гиджикю — частной школы политическихъ и социальныхъ наукъ, — ухватились за мысль произвести реформы въ Корей, и министръ иностранныхъ дѣлъ, графъ Инуйе, тоже ничего не имѣлъ противъ этого намѣренія. Изъ Іокогамскаго банка была выдана ему въ видѣ ссуды и отдана въ его распоряженіе извѣстная сумма денегъ для основанія политическихъ газетъ въ Сеулѣ, для обученія корейскихъ солдатъ и для другихъ подобныхъ цѣлей. Ученики и чиновники графа Гото и Фукузавы отправились въ Корею, чтобы издавать газеты и проводить планы преобразованія.

Японское правительство назначило Такезаэ, — извѣстнаго ученаго китайской школы, — корейскимъ министромъ, дабы онъ способствовалъ дѣлу реформы. Но партія императрицы была насторожѣ и дѣлала все возможное для ослабленія вліянія японской партіи. Главный уполномоченный Японіи, Боку-эй-дзо, получилъ только постъ губернатора въ Сеулѣ, а Кинъ-гіок-кинъ и Іо-ко-ханъ были назначены совѣтниками посольства иностранныхъ дѣлъ, и ихъ вліяніе, благодаря этому, было слишкомъ ничтожно, чтобы они могли содѣйствовать введенію улучшеній.

Вліяніе Китая, на сторонѣ котораго была партія императрицы, было, наоборотъ, очень сильно, и китайскія войска, все еще находившіяся въ Сеулѣ, состояли изъ 3000 человекъ, между тѣмъ какъ япон-

скій отрядъ, охранявшій тамъ посольство, состоялъ изъ 130 человекъ. Китай снабжалъ Корею оружіемъ, и китайскіе офицеры Го-хю-кай, Го-хиб-ю и Іенъ-сей-гай отъ имени Ли-хун-чанга диктовали корейскому правительству свою волю. Корея получила также изъ казначейства китайскаго пароходнаго общества ссуду въ 200.000 рю, и нѣмецъ Моллендорфъ и другіе иностранцы были присланы изъ Китая въ Корею, въ качествѣ учителей и совѣтчиковъ. Китай добился также у Кореи разрѣшенія для своихъ купцовъ открыть въ Сеулѣ отдѣленія своихъ фирмъ, и 2000 подданныхъ Небесной имперіи пробились въ столицу Кореи и обошли ловкость немногихъ японскихъ редакторовъ и политическихъ дѣятелей. Разочарованные возвращались японцы одинъ за другимъ на родину, и японское вліяніе въ Корей, повидимому, надолго исчезло.

Но въ 1884 г. Франція съ оружіемъ въ рукахъ начала споръ съ Китаемъ, и старая, приходившая въ упадокъ имперія оказалась безсильной по сравненію съ могущественной западной республикой. Корейская японофильская партія воспользовалась этимъ случаемъ, чтобы нанести рѣшительный ударъ китайской партіи и, надо полагать, что это произошло не безъ одобренія нѣкоторыхъ политическихъ дѣятелей Японіи.

Японскій посланникъ Такезаэ, жившій уже нѣсколько мѣсяцевъ въ Токио, вернулся въ октябрѣ 1884 года въ Сеулъ и вступилъ въ оживленные переговоры съ такими личностями, которыхъ онъ считалъ приверженцами японской партіи. Онъ открыто говорилъ о предстоящей гибели Китая, о благоприятныхъ условіяхъ для Кореи вернуть себѣ полную самостоятельность. 2-го ноября посланникъ былъ принятъ на аудіенціи корейскимъ императоромъ и, послѣ необходимыхъ церемоній, формально заявилъ, что его высокій повелитель, японскій императоръ, рѣшилъ подарить Корей 400.000 іенъ, не выплаченныхъ изъ суммы вознагражденія съ 1882 г., подъ тѣмъ условіемъ, что корейскій императоръ употребитъ ихъ на улучшеніе войска. Онъ также выяснилъ императору положеніе вещей на востокѣ, выяснилъ несправедливость вмѣшательства Китая во внутреннія дѣла Кореи, незаконный арестъ Тай-ин-куна и т. д. и увѣрялъ, что японское правительство было бы очень довольно, если бы Корея согласно международному праву, приобрѣла бы себѣ передъ всѣмъ міромъ полную независимость.

3-го ноября въ японскомъ посольствѣ праздновался день рожденія японскаго императора, и во время параднаго обѣда, къ которому были приглашены корейскій министръ иностранныхъ дѣлъ, англійскій генеральный консулъ и вліятельные корейцы, принадлежащіе къ японской партіи, японскіе гости говорили рѣчи, направленные противъ Китая и въ пользу союза Японіи съ Кореей. Они даже насмѣхались надъ присутствующимъ за столомъ китайскимъ консуломъ, не понимавшимъ японскаго языка.

4-го ноября Такезаэ посѣтилъ корейское министерство иностранныхъ дѣлъ и потребовалъ, чтобы японцы занимали въ Корей одинаковое положеніе съ занимающими тамъ исключительное положеніе китайцами, особенно въ отношеніи устройства торговли и основанія фирмъ въ Сеулѣ. Это ходатайство было охотно уважено, и, по окончаніи официальныхъ переговоровъ, японскій посланникъ снова открыто говорилъ о безнадежномъ положеніи и неудовлетворительной организаціи войска и плохихъ финансахъ Китая.

8-го ноября до свѣдѣнія японскаго посольства было доведено, что китайскій офицеръ Іенъ-сей-гай отдалъ приказъ своимъ солдатамъ быть день и ночь вооруженными и быть готовыми выступить во всякую минуту, и что Бин-эй-йоку, одинъ изъ вожаковъ партіи императрицы, приказалъ вооруженнымъ солдатамъ охранять наследника пре-

Графъ Окума.

стола. Въ ночь съ 11-го на 12-е ноября японскіе солдаты упражнялись въ стрѣльбѣ у подножія Южнаго Холма и навели страхъ на бѣднаго императора. Когда отъ японскаго посланника потребовали объясненій происшедшаго, то онъ увѣрялъ, что все это произошло безъ его вѣдома, но что японскій офицеръ, командующій посольской стражей, нашелъ нужнымъ принять такія мѣры, чтобы держать своихъ солдатъ наготовѣ, въ виду того, что китайскіе солдаты день и ночь готовятся напасть. Предположеніе, что между китайцами и японцами произойдетъ въ Корей столкновеніе, распространилось всюду.

Кинъ-гіокъ-кинъ, одинъ изъ могущественнѣйшихъ сторонниковъ японской партіи, рассказываетъ въ своемъ дневникѣ, что вечеромъ

съ 29-го на 30-е ноября онъ былъ принятъ императоромъ. Такъ какъ при этомъ постороннихъ не было, то онъ постарался выяснитъ императору положеніе дѣлъ и указалъ ему на опасность, которая предстоитъ Корей, если между Японіей и Китаемъ возникнетъ конфликтъ относительно Кореи. Онъ указалъ императору, какъ сильно японцы ненавидятъ китайцевъ за ихъ произвольное превосходство въ Корей и что Японія, если ей удастся съ помощью Франціи побѣдить Китай, навѣрное заберетъ Корею, чтобы она не была добычей ея соперника. Императрица, подслушавшая этотъ разговоръ за дверью, вдругъ вошла и потребовала, чтобы Кинъ-гіокъ-кинъ сказалъ ей, что нужно сдѣлать, чтобы предупредить это несчастье. Кинъ-гіокъ-кинъ, помнившій, что императрица принадлежитъ къ семейству Бинъ, пробормоталъ только, что онъ заслуживаетъ смертной казни за то, что онъ позволилъ себѣ безъ всякихъ формальностей разговаривать со своимъ господиномъ и повелителемъ. Императрица была необыкновенная женщина; она отвѣтила ему на это: „вы мнѣ не довѣряете, Кинъ-гіокъ-кинъ, но разъ идетъ дѣло о судьбѣ Кореи, то почему же мнѣ, единственной женщинѣ, быть помѣхой, если есть возможность предотвратить несчастье? Говорите открыто ваше мнѣніе!“

Императоръ тоже увѣрялъ Кинъ-гіокъ-кина, что онъ вполне довѣряетъ честности его убѣжденій и далъ ему слово, что послѣдуетъ его совѣту, пусть только онъ придумаетъ что-нибудь для спасенія страны. Кинъ-гіокъ-кинъ сообщилъ императорской четѣ единственный планъ, казавшійся ему исполнимымъ при существующихъ обстоятельствахъ и получилъ отъ императора собственноручно написанную, подписанную и запечатанную секретную инструкцію выполнить этотъ проектъ. Послѣдующія событія подтвердили правдивость того, что было написано въ дневникѣ Кинъ-гіокъ-кина.

Планъ, замышляемый японской партіей, былъ слѣдующій: такъ какъ всѣ вожаки китайской партіи были офицеры гвардіи и поэтому обязаны были въ случаѣ пожара въ столицѣ стоять на извѣстныхъ постахъ или явиться ко двору, то рѣшено было въ извѣстный день поджечь одно изъ дворцовыхъ зданій, чтобы предательскимъ убійцамъ легче было сдѣлать свое дѣло. Такъ какъ было опасеніе, что они (т. е. гвардейскіе офицеры) проникнуть въ тайныя намѣренія заговорщиковъ, то надо было назначить какое-нибудь празднество, на которомъ вожаки должны были лично присутствовать.

4 декабря 1884 года въ Сеулѣ открылась первая почтовая контора подъ управленіемъ лица, бывшаго нѣкогда японскимъ почтъ-директоромъ, и корейское правительство устроило обѣдъ, на который были приглашены члены дипломатическаго корпуса и всѣ корейскіе сановники. Торжество не успѣло прійти къ концу, какъ загорѣлось сосѣднее зданіе, и въ сумятицѣ Бинъ-эй-йоку былъ тяжело раненъ корейцами, переодѣвшимися японцами. Боку-эй-ко, Кинъ-гіокъ-кинъ и прочіе приверженцы японской партіи сейчасъ же отправились къ императору и доложили ему, что можно ожидать помощи только отъ японскаго посланника и его солдатъ, такъ какъ китайскіе солдаты грабятъ городъ и угрожаютъ дворцу. Императоръ, посвященный въ этотъ планъ, собственноручно написалъ торопливое письмо, запечаталъ государственной печатью и послалъ его къ Такезаэ съ просьбой о немедленной помощи. Когда Такезаэ явился, то вся императорская фамилія была въ сборѣ во дворцѣ Кейю и императоръ самъ пошелъ ему на встрѣчу.

Японскіе и корейскіе солдаты были размѣщены въ самыхъ важныхъ пунктахъ и отданы были подъ команду японскаго офицера Муракаимы. Черезъ нѣсколько часовъ убійцы выполнили свое дѣло и убили шестерыхъ или семерыхъ вліятельнѣйшихъ вожаковъ китайской партіи. Китайскіе солдаты были отправлены въ деревню подальше отъ столицы, и были приняты надлежащія мѣры, чтобы они узнали о событіяхъ въ городѣ только послѣ осуществленія всего плана.

На слѣдующій день рано утромъ императоръ отдалъ распоряженіе, которымъ всѣ прежнія вѣдомства были отмѣнены и учреждены новыя. Ли-тай-генъ, племянникъ императора, былъ назначенъ министромъ-президентомъ, Боку-эй-ко — командующимъ гвардіей, Токъ-ганъ — министромъ иностранныхъ дѣлъ, Кинъ-гіокъ-кинъ — министромъ финансовъ и т. д. Такъ какъ японская партія вначалѣ была еще очень немногочисленна, то она искала поддержки, давая должности ближайшимъ родственникамъ императора и императрицы или Тай-инъ-куна, которые были недовольны прежнимъ правительствомъ изъ фамиліи Бинъ.

Въ десять часовъ утра посланникъ Соединенныхъ Штатовъ Футъ и британскій генеральный консулъ Астонъ были приняты императоромъ, который былъ необыкновенно любезенъ и откровенно говорилъ съ ними о необходимости государственнаго переворота, которому подвергается всякая нація, задавшаяся цѣлью произвести коренныя реформы. Указывая на Такезаа, бывшаго все время возлѣ него, онъ сказалъ имъ, что японскій посланникъ, напримѣръ, пережилъ на своемъ вѣку много такихъ событій, и спросилъ, не было ли чего либо подобнаго въ Англіи и Америкѣ? Посланникъ Соединенныхъ Штатовъ раздѣлилъ взгляды императора. Послѣ обѣда явился также германскій генеральный консулъ, и хотя всѣ они послѣ трехъ часовъ удалились, но императоръ пригласилъ Такезаа остаться еще нѣкоторое время.

Были изданы различные указы, заключавшіе въ себѣ распоряженія о коренныхъ реформахъ, какъ, напр., провозглашеніе независимости отъ Китая, уравненіе дворянства и народа въ ихъ политическихъ правахъ, увольненіе придворныхъ офицеровъ, интриги которыхъ мѣшали правильному развитію реформъ, фискальныя реформы, концентрація финансовыхъ вопросовъ въ рукахъ министра финансовъ, и т. д. Боку-эй-ко предложилъ, чтобы вся императорская фамилія и дворъ переѣхали въ портовый городъ Коква, пока изъ Японіи прибудетъ подкрѣпленіе, такъ какъ бывшіе въ Сеулѣ 3000 китайскихъ солдатъ не будутъ оставаться долго бездѣтельными, а 2000 корейскихъ солдатъ нельзя особенно довѣрять. Кинъ-ин-шоку, которому былъ предложенъ постъ министра двора, уже отклонилъ его и примкнулъ къ китайской партіи. Но императрица пожелала вернуться въ главный дворецъ; Такезаа также отрицательно отнесся къ предложенію Боку-эй-ко, такъ что императорская фамилія вернулась въ столицу къ вечеру слѣдующаго послѣ государственнаго переворота дня.

На слѣдующій день, 6 декабря 1884 г., во всей Корей царилъ кажущееся спокойствіе, и новая эра, казалось, началась блестяще. Такезаа просилъ позволенія удалиться со своими солдатами, но императоръ настаивалъ на томъ, чтобы онъ остался. Кабинетъ министровъ былъ какъ разъ въ полномъ составѣ у императора для обсужденія указа о началѣ государственныхъ реформъ, какъ вдругъ около 3 часовъ дня послышался оглушительный шумъ. Китайскіе начальники Го-хиу-ю и Тени-сей-гай съ утра уже нѣсколько разъ просили аудіенціи у императора, но всякій разъ получали отказъ; теперь они пробивали себѣ путь

черезъ Сенинскія ворота, стрѣляя въ японскихъ и корейскихъ солдатъ. Послѣ двухъ-трехъ залповъ шумъ дошелъ до императора, и полковникъ Мураками приказалъ японскимъ солдатамъ отвѣчать на выстрѣлы, что сейчасъ же было исполнено и что стоило жизни 80 китайцамъ. Корейскіе солдаты или дезертировали, или переходили къ китайцамъ. Внутри дворца происходило страшное замѣшательство, и Такезаэ съ трудомъ удалось найти несчастнаго императора, который метался изъ стороны въ сторону. Къ несчастью, мать императрицы, которой онъ былъ преданъ, попала въ руки китайцевъ, и императоръ настоялъ на томъ, чтобы перейти, что бы ни случилось, на другую сторону. Онъ слушать не хотѣлъ увѣщаній Такезаэ не завязывать близкихъ отношеній съ корейскими и китайскими солдатами; а такъ какъ тѣ не переставали стрѣлять пока императора окружали японскіе солдаты, то Такезаэ рѣшилъ удалиться вмѣстѣ со своей гвардіей, чтобы избавить императора еще отъ большаго несчастья. Такезаэ и его свита, какъ, напр., корейцы Боку-эй-ко, Кингъ-гіок-кинъ, Іо-ко-гинъ и т. д., окруженные 130 японскими солдатами, пробили себѣ путь къ посольству, гдѣ, благодаря спрятавшимся тамъ японцамъ, они были прекрасно защищены. Но вскорѣ недостатокъ пищи заставилъ обитателей посольства отдать его въ руки корейцевъ и самихъ удалиться въ Нинсенъ. Отсюда Такезаэ сообщилъ о происшедшемъ въ Японію.

На слѣдующій день остальная часть китайской партіи оставила свое убѣжище, восстановила первоначальную форму правленія и убила или отравила всѣхъ оставшихся приверженцевъ возстанія „Кинъ“ или „Боку“, — какъ была названа японская партія, по именамъ своихъ главныхъ вожаковъ. Даже всѣ невинные родственники обвиняемыхъ, и между ними много женщинъ и дѣтей, были, по корейскимъ законамъ, приговорены къ смертной казни. Корейскій императоръ самъ отдавалъ распоряженія о преслѣдованіи и наказаніи.

13 декабря 1884 г. вѣсть объ этомъ несчастіи пришла въ Японію, и народное негодованіе, особенно въ военныхъ кругахъ, было очень велико. Мнѣнія въ кабинетѣ министровъ относительно войны и мира раздѣлились, а со стороны французовъ явились предложенія дѣйствовать заодно, на случай если Японія объявитъ Китаю войну. Съ кѣмъ же, однако, нужно было сводить счеты: съ Китаемъ или съ Кореей? Корейскій императоръ просилъ защиты, и китайскіе солдаты подвергли опасности корейскаго императора, защищаемаго японскими солдатами; но императоръ потомъ перешелъ на сторону японской партіи и допустилъ, чтобы японское посольство было подожжено и чтобы оставшіеся въ Корей японскіе подданные были убиты, быть можетъ, и противъ его желанія, но, несомнѣнно, отъ его имени. Принимая все это во вниманіе, Японія должна была свести счеты съ обѣими.

Правительство рѣшило послать 22 декабря въ Корею графа Инуи въ качествѣ чрезвычайнаго посла. Китайскій посланникъ въ Токио далъ знать въ японское министерство иностранныхъ дѣлъ, что его правительство пошлетъ въ качествѣ уполномоченнаго въ Корею Го-дай-хо; и нашему посланнику при пекинскомъ дворѣ, виконту адмиралу Эномото, было поручено заставить Цунгъ-ли-ямень дать полномочія своему представителю, чтобы тотъ, по пріѣздѣ въ Сеулъ, могъ вступить въ переговоры одновременно съ японскимъ посольствомъ и съ корейскимъ правительствомъ. Но пекинское правительство, однако, уклонялось дать на это свое согласіе, подъ предлогомъ, что пред-

ставитель посланъ туда исключительно съ цѣлью „наказать бунтовщиковъ“.

3 января 1885 года пріѣхалъ въ Сеулъ графъ Инуйе въ сопровожденіи посланника Такезаэ, генераль-лейтенанта Такашима и контръ-адмирала Кабаямы съ сухопутными и морскими войсками. Такъ какъ представитель Китая находился уже тамъ со своими солдатами, то японскіе солдаты должны были, во избѣжаніе столкновеній, быть размѣщены за городомъ. Го-дай-хо приказалъ расклеить на публичныхъ мѣстахъ Сеула объявленія въ томъ смыслѣ, что преступныя злодѣянія взбунтовавшихся подданныхъ Кинъ-гюкь-кина, Боку-эй-ко и ихъ партіи вызвали справедливый гнѣвъ китайскаго императора и что онъ со своей стороны теперь послалъ своего офицера во главѣ большой арміи для защиты корейскаго императора, и т. д.

Аудіенція прошла, какъ обыкновенно, и 8 января графъ Инуйе началъ вести переговоры съ Кинъ-ко-шиномъ, — корейскимъ уполномоченнымъ и министромъ иностранныхъ дѣлъ, — когда произошелъ замѣчательный случай. Такъ какъ японскія требованія объ удовлетвореніи были очень умѣренны, то корейскій министръ, видимо, склонялся на эти условія, какъ вдругъ китайскій уполномоченный Го-дай-хо вошелъ, безъ приглашенія и позволенія, въ совѣщательную комнату и попросилъ разсказать ему, о чемъ шла рѣчь. Графъ Инуйе уклонился отъ переговоровъ съ нимъ, и Го-дай-хо, взявъ клочекъ бумаги, написалъ на немъ нѣсколько словъ и передалъ записочку графу. Въ запискѣ значилось слѣдующее:

„Посредничество третьей державы между двумя несогласными націями не разъ имѣло мѣсто; но если это кажется непріемлемымъ, то я не желаю настаивать. Я хочу только, чтобы условія были для Кореи справедливы и умѣренны“.

Во второй записочкѣ онъ написалъ нѣсколько угрозъ и, передавъ ее корейскому министру, молча ушелъ.

На слѣдующій день былъ подписанъ въ Сеулѣ договоръ, которымъ Корея обязалась выполнить слѣдующіе пять пунктовъ: 1) послать въ Японію специальную депутацію съ выраженіемъ сожалѣнія по поводу послѣднихъ событій; 2) выплатить 110.000 іенъ въ наказаніе за убитыхъ или раненыхъ японскихъ подданныхъ и за ихъ разграбленное имущество; 3) строжайшимъ образомъ наказать виновныхъ въ убійствѣ полковника Изабайяши, бывшаго во время безпорядковъ внутри страны; 4) на постройку японскаго посольства дать участокъ земли и 20.000 іенъ; 5) построить для японскихъ солдатъ новыя казармы за счетъ корейскаго правительства. Такъ какъ не было опредѣлено, будутъ ли амнистированы политическіе преступники японской партіи и такъ какъ сумма вознагражденія была гораздо меньшая, чѣмъ въ 1882 году, то договоръ этотъ возбудилъ въ Японіи неудовольствіе, но нельзя упускать изъ виду, что графъ Инуйе, главнымъ образомъ, старался добиться признанія непричастности японскаго посланника Такезаэ къ преступленіямъ 4 декабря.

Корея послала Ио-со-у и Моллендорфа, согласно условію договора, въ Японію, а убійцъ полковника Изабайяши обезглавила въ присутствіи членовъ японскаго посольства. Этимъ были покончены счеты съ Кореей, но осталась главная задача — притянуть къ отвѣтственности Китай за поведеніе его солдатъ въ Корей, что, собственно, равнялось требованію, чтобы Китай отказался отъ своего вліянія. Выполненіе этого

трудной задачи было поручено графу Ито, вернувшемуся незадолго до того изъ Европы и занимавшему постъ государственнаго совѣтника и министра императорскаго двора. Онъ былъ назначенъ въ февралѣ 1885 г. чрезвычайнымъ посланникомъ въ Китай и поѣхалъ туда въ сопровожденіи государственнаго совѣтника графа Ёеромиши Сайго.

Когда графъ Ито пріѣхалъ въ Тіенцзинъ, то получилъ официальное увѣдомленіе, что Ли-хун-чангъ долженъ былъ быть назначенъ уполномоченнымъ по корейскому вопросу и что поэтому посольствамъ не стоитъ ѣхать въ Пекинъ. Графу Ито нужно было выбрать одно изъ двухъ средствъ, каждое изъ которыхъ было одобрено лицами его свиты, въ числѣ которыхъ были такіе даровитые люди, какъ, напр., Ки Инуйе и Мюджи Ито. Такъ какъ Китай въ это время очень страдалъ подъ гнетомъ Франціи, то уполномоченные могли воспользоваться этимъ обстоятельствомъ и угрозами вынудить ускореніе переговоровъ; или же они могли начать съ противоположнаго: выразить Китаю симпатію, увѣрить Китай въ томъ, что Японія искренно сочувствуетъ его несчастью и поэтому не желаетъ воспользоваться сквернымъ положеніемъ Китая, и внушить правительству, что въ его интересахъ было бы лучше удовлетворить требованія Японіи и заслужить дружбу такой націи, которая олицетворяетъ собою истинныя понятія о восточной морали. Второй способъ улаженія корейскаго вопроса между Китаемъ и Японіей казался болѣе удобоисполнимымъ и обеспечивающимъ извѣстную прочность ихъ отношеній; и, чтобы доказать Китаю, что онъ не намѣревается воспользоваться выгодами отъ поведенія Франціи, графъ Ито далъ знать правительству, что онъ не торопится и будетъ ждать, пока Китай избавится отъ французской зависимости. Ито рѣшилъ ѣхать въ Пекинъ съ единственной цѣлью передать свои вѣрительныя грамоты и присутствовать на похоронахъ своего стараго друга сэра Гарри Паркса, умершаго незадолго до того въ Пекинѣ. 17 марта онъ покинулъ Тіенцзинъ, а 21 пріѣхалъ въ Пекинъ. Хотя посламы не было дано аудіенціи въ виду молодости императора, но министры Ямена устроили имъ торжественную встрѣчу 27 марта. 2 апрѣля послы вернулись въ Тіенцзинъ, и переговоры начались со слѣдующаго же дня.

При этомъ графъ Ито предъявилъ свои требованія на слѣдующихъ основаніяхъ: 1) требованія Китая къ Корей—исключительно историческаго характера. Въ исторіи Китая Корея причисляется къ вассальнымъ государствамъ, и такъ какъ Китай съ неудовольствіемъ отказался бы отъ этого преданія, считая его завѣщаніемъ своихъ императорскихъ предковъ, то онъ остался бы при своемъ взглядѣ на Корею, какъ на вассальное государство; 2) претензіи же Японіи къ Корей болѣе экономическаго характера, т. е. она не обладаетъ законными правами надъ Кореей, на географическое положеніе послѣдней и необходимость позаботиться о возрастающемъ населеніи заставляетъ смотрѣть на нее, какъ на лучшій источникъ, откуда можно будетъ доставлять рисъ на родину и гдѣ будущимъ сынамъ Японіи предстоитъ обширное поле дѣятельности. Поэтому Японія должна желать, чтобы Корея была независима и не находилась ни подъ чьимъ вліяніемъ. Но въ послѣдніе годы Китай посылалъ военныхъ и политическихъ чиновниковъ въ Корею и сталъ вмѣшиваться въ ея международныя отношенія, какъ будто онъ собирался возобновить на нее свои притязанія, которыя давно уже отошли въ область исторіи. Это обстоятельство должно

быть улажено, потому что Японія никогда не допустить, чтобы Корея сдѣлалась частью Китайской имперіи. Зачѣмъ, — продолжалъ онъ, — Китаю, съ его обширной земельной территоріей, посягать на такую отдаленную страну, какъ Корея, рискуя этимъ нарушить дружескія отношенія между родственными восточными имперіями? Онъ также напомнилъ Ли-хун-чангу тотъ фактъ, что Китай—абсолютная монархія и его министры рѣшаютъ внѣшнія дѣла по своему усмотрѣнію, между тѣмъ какъ Японія, по желанію своего народа, была на пути къ тому, чтобы ввести у себя конституціонный образъ правленія. Если это обстоятельство не будетъ принято во вниманіе, то оно вызоветъ кризисъ кабинета и приведетъ къ выборамъ такихъ политическихъ дѣятелей, которые преслѣдуютъ еще болѣе рѣшительныя политическія дѣйствія. Ли-хун-чангъ въ общемъ согласился съ аргументами графа Ито и былъ даже готовъ отозвать изъ Кореи китайскія войска, но только въ томъ случаѣ, если Японія сдѣлаетъ то же самое; но что касается вопроса о поведеніи китайскихъ солдатъ въ Сеулѣ 4 декабря 1884 г., то въ этомъ вопросѣ они съ Ито разошлись совершенно. Ли-хун-чангъ обвинялъ японскаго посланника Такезаэ въ томъ, что онъ разжегъ корейскихъ бунтовщиковъ, и держался того мнѣнія, что договоромъ 9 января 1884 г. между Японіей и Китаемъ всѣ счеты покончены. Черезъ два дня послѣ начала переговоровъ конфликтъ между Китаемъ и Франціей пришелъ къ мирному концу, хотя онъ оказался не особенно почетнымъ для Китая, такъ какъ послѣдній долженъ былъ уступить свои отошедшія въ область исторіи притязанія на Аннамъ; но все-таки это былъ нѣкоторый успѣхъ, такъ какъ Франція, несмотря на двѣнадцатимѣсячную вооруженную боевую готовность, не добилаcь матеріальныхъ выгодъ со стороны Китая. Китай хотѣлъ оставить за собой право посылать въ Корею войска, какъ только это покажется нужнымъ, и графъ Ито согласился на это только подъ условіемъ, чтобы Японія также сохранила за собой это право. Если въ будущемъ такая надобность встрѣтится, то какъ Китай, такъ и Японія обязались другъ друга извѣстить, прежде чѣмъ послать въ Корею свои войска. Вопросъ объ улучшеніи корейскаго войска также былъ затронутъ и было рѣшено, что Японія и Китай должны вмѣстѣ дать совѣтъ Корей укрѣпить страну внутри обученіемъ своихъ войскъ и чтобы для этого были приглашены учителя изъ иностранныхъ подданныхъ, исключая японцевъ и китайцевъ. Происшествіе съ китайскими солдатами въ Сеулѣ было урегулировано слѣдующимъ письмомъ Ли-хун-чанга къ графу Ито:

„То, что китайскіе и японскіе солдаты напали другъ на друга во дворцѣ корейскаго императора во время послѣднихъ волненій въ Сеулѣ, произошло помимо воли обѣихъ имперій и служить для меня предметомъ глубокаго сожалѣнія. Дружба между срединной имперіей и Японіей—давнишняго происхожденія и то обстоятельство, что китайскіе солдаты забыли объ этомъ и не подумавши, подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ, схватились за оружіе, будетъ подвергнуто строгому осужденію министрами обѣихъ сторонъ. Что же касается того факта, который приводится вашимъ сіятельствомъ на основаніи показаній госпожи Шугиро Хомма и другихъ, т. е. что китайскіе солдаты врывались въ дома обывателей съ цѣлью убійства и грабежа, то китайское правительство въ настоящее время не обладаетъ еще достаточнымъ количествомъ достовѣрныхъ уликъ. Но оно предприметъ тщательное разслѣдованіе этого обстоятельства и, когда оно получитъ опредѣленные доказатель-

ства, то виновные будутъ судимы военными законами и наказаны“; и т. д.

Такимъ образомъ, послѣ шести засѣданій переговоры пришли къ концу, и такъ называемый Тіенцзинскій договоръ былъ 18 апрѣля 1885 года подписанъ. Нельзя было заставить Китай признать независимость Кореи, но Японія добилаcь того, что Китай призналъ возможнымъ, чтобы Японія заняла такое же положеніе относительно Кореи, какъ и Китай. Этимъ сдѣланъ былъ шагъ впередъ къ рѣшенію вопроса о Корей. Позднѣе Китай нашелъ этотъ договоръ неудачнымъ и дѣлалъ тщетныя попытки сдѣлать его недѣйствительнымъ, но все же онъ остался въ силѣ до войны 1894—95 г., будучи, въ сущности, поводомъ къ ней.

Китайско-Японская война 1894—95 гг.

Тіенцзинскій договоръ ровно ничего не измѣнилъ во взаимныхъ отношеніяхъ Китая и Кореи. Го-дай-хо и китайскіе солдаты были отозваны, но Іен-сей-гай былъ туда посланъ какъ китайскій резидентъ и принималъ участіе во всѣхъ важныхъ государственныхъ дѣлахъ. Нѣмецъ Моллендорфъ и послѣ него американецъ Денни уѣхали, чтобы по порученію Ли-хун-чанга сыграть роль совѣтниковъ. Когда Россія пыталась завязать внутреннюю торговлю у рѣки Тумени, то Ли-хун-чангъ отговорилъ отъ этого Корею. Боку-эй-хо былъ назначенъ въ Вашингтонъ въ качествѣ корейскаго посланника, но Іен-сей-гай воспротивился этому намѣренію, основываясь на томъ, что во всѣхъ подобныхъ случаяхъ должно быть испрошено соизволеніе Китая, какъ верховной власти. Ли-хун-чангъ уполномочилъ Іен-сей-гайа поставить слѣдующія условія: 1) Какъ только представитель Кореи прибудетъ на мѣсто своего назначенія, онъ долженъ прежде всего явиться къ китайскому посланнику и попросить его отправиться съ нимъ въ департаментъ Штатовъ. 2) На всѣхъ официальныхъ церемоніяхъ и частныхъ обѣдахъ корейскій посланникъ долженъ по рангу быть позади (ниже) китайскаго. 3) При возникновеніи всякаго значительнаго международнаго вопроса корейскій посланникъ долженъ совѣтоваться съ китайскимъ и дѣйствовать заодно съ нимъ. Корея противилась этимъ требованіямъ, но Іен-сей-гай пригрозилъ немедленнымъ вмѣшательствомъ и поэтому пришлось покориться силѣ.

Когда дѣло коснулось телеграфныхъ сообщеній, то Японія стала открытой противницей Китая въ Корей. Въ мартѣ 1883 г. между Японіей и Кореей состоялся тайный договоръ относительно подводнаго кабеля между Нагасаки и Фузаномъ, по которому корейское правительство обязывалось пользоваться въ продолженіе двадцати лѣтъ только этимъ кабелемъ для всѣхъ телеграфическихъ извѣстій между Сеуломъ и другими городами и не соглашаться на устройство прямого сношенія съ сосѣдними странами. Въ слѣдующемъ году кабель этотъ былъ проложенъ по особому соглашенію японскаго правительства съ находящимся въ Шанхаѣ отдѣленіемъ „Great Northern telegraph Company“. Но въ іюлѣ 1885 г. Іен-сей-гаю удалось заставить корейское правительство подписать договоръ, по которому Китай приобрѣлъ право провести свою линію Шанхай—Тіенцзинъ черезъ Гишинъ (Вижу — на сѣверѣ Кореи) до Сеула и имѣть ее подъ своимъ наблюденіемъ въ теченіе 25 лѣтъ. Такъ какъ въ то время между Сеуломъ и Фузаномъ не существовало телеграфнаго сообщенія, то всѣ телеграфическія извѣстія — въ ущербъ секретному договору съ Японіей — шли черезъ новую китайскую линію.

Японія, конечно, требовала отчета у Кореи, но получила въ отвѣтъ разъясненіе, что Китай получилъ разрѣшеніе соединить свою телеграфную линію не съ Сеуломъ, а только съ незначительной деревушкой, находящейся на другомъ берегу маленькой рѣчки, которая протекала за чертой Сеула. Какая хитрость! Послѣ этого Японія просила у Кореи разрѣшенія построить телеграфную линію Сеулъ—Фузанъ, чтобы хоть кабель между Фузаномъ и Нагасаки соединить съ Сеуломъ; но Корея отказала Японіи въ этомъ ходатайствѣ и подъ тѣмъ предлогомъ, что она сама будетъ устраивать эту линію, передала это право Китаю. Съ 1888 г. это сообщеніе было устроено китайцами и находилось подъ ихъ наблюдениемъ до войны 1894—95 г., когда это право перешло къ Японіи.

Въ 1889 г. отношенія Японіи съ Кореей, благодаря такъ называемому Anti-korn вопросу, еще больше обострились. Губернаторы двухъ корейскихъ провинцій, находящихся на границѣ съ Китаемъ, внезапно запретили вывозъ риса и этимъ нанесли огромные убытки японскимъ торговцамъ, ввозившимъ рисъ. Это не соответствовало девятому параграфу договора въ Коква 1876 г., и японское правительство въ продолженіе пяти лѣтъ безуспѣшно вело переговоры съ корейскимъ министромъ внутреннихъ дѣлъ, а въ это время нѣсколько купцовъ-импортеровъ риса совсѣмъ разорились. Въ 1893 г. японское правительство назначило Оиси, молодого политическаго дѣятеля, приверженца народной партіи, посланникомъ въ Сеулъ и дало ему полномочія по своему разумнѣю вести переговоры съ корейскимъ правительствомъ. Оиси грозилъ прервать всякія сношенія и требовалъ уплатить 110.000 іенъ изъ 140.000, которыя должны были быть уплачены какъ вознагражденіе. Есть основаніе предполагать, что во все время этого напряженного состоянія Корея поддерживалась Китаемъ, такъ какъ запрещеніе вывоза риса—это извѣстная китайская система, которая основывается въ Китаѣ на правахъ договора.

Отношеніе къ корейскимъ политическимъ преступникамъ въ Японіи, какъ послѣдствіе событій 1884 года, дало поводъ къ еще болѣе запутанному положенію Японіи, съ одной стороны, и Китая и Кореи—съ другой, которое продолжалось вплоть до войны. Послѣ того, какъ государственный переворотъ въ декабрѣ 1884 г. не удался, вожаки японской партіи — Кин-гіок-кинъ, Боку-эй-ко, Ио-ко-ганъ и др. бѣжали въ Японію, а оттуда въ Соединенные Штаты, исключая Кин-гіок-кина, оставшагося въ Токио подъ именемъ Имата Шинзаку. Корейское правительство послало Моллендорфа и Ио-зо-уна въ Токио съ требованіемъ выдачи Кин-гіок-кина, но оно было отклонено по двумъ причинамъ; во-первыхъ, между Японіей и Кореей не было договора о выдачѣ преступниковъ вообще, а во-вторыхъ, Кин-гіок-кинъ былъ политическій преступникъ. Однако же корейцамъ, далекимъ еще отъ понятій международнаго права, этотъ отказъ показался признакомъ того, что у Японіи относительно Кореи имѣются какія-то секретныя намѣренія. Многіе люди предлагали корейскому правительству свои услуги для убійства, чтобы, главнымъ образомъ, заработать этимъ деньги. Среди нихъ былъ одинъ, по имени Хи-ун-эй, отправившійся въ февралѣ 1886 года въ Токио и попавшій въ ловушку, которую ему разставили хитрые корейскіе студенты подъ руководствомъ Кин-гіок-кина. Онъ показалъ студентамъ открытое письмо корейскаго императора, которое давало ему полномочія „захватить мятежника или сдѣлать съ нимъ что угодно“. Въ его распоряженіи было еще одно письмо, изъ котораго видно было, что Ли-хун-чангъ и Іен-сей-

гай тоже были замѣшаны въ порученіи, данномъ Хи-ун-эю. Хи-ун-эй предлагалъ каждому студенту, которому удастся убить Кин-гіок-кина, 5000 іенъ. Чтобы избѣжать всякихъ недоразумѣній, японское правительство приказало Кин-гіок-кину немедленно покинуть Японію и въ то же время запросило по телеграфу въ Сеулъ корейское правительство, дѣйствительно ли оно послало Хи-ун-эя съ такими полномочіями? Корейское правительство отрицало это и потребовало, чтобы японское правительство прислало назадъ Хи-ун-эя подѣ конвоемъ, что и было сдѣлано. Кин-гіок-кинъ хотѣлъ поѣхать въ Америку, но такъ какъ у него не было на это средствъ, то ему приказали уѣхать на островъ Огазавара; но такъ какъ онъ противился, то его силой удалили изъ его квартиры и привезли на мѣсто назначенія. Такъ какъ его здоровье требовало пребыванія въ умѣренномъ климатѣ, то его перевезли позже въ Хоккайдю, гдѣ онъ два года былъ подѣ надзоромъ полиціи, пока ему въ 1890 г. было разрѣшено вернуться въ Токію, такъ какъ въ Корей въ это время было довольно спокойно. Въ это время Боку-эй-ко вернулся изъ Америки. Пребываніе въ Токію двухъ такихъ предателей опять начало беспокоить корейское правительство, пославшее теперь болѣе осторожнаго убійцу въ лицѣ Ри-итсу-соку. Въ 1892 г. онъ прибылъ въ Японію и ему удалось, благодаря коварству, войти въ дружбу съ Кин-гіок-киномъ, довѣрившимъ этому мнимому другу всѣ свои тайны. Ри-итсу-соку уговорилъ одного молодого корейца, вернушагося недавно изъ Франціи, по имени Ко-то-у (имя, которое будетъ навсегда запечатлѣно въ исторіи политическихъ убійствъ), присоединиться къ нему. Ри-итсу-соку рассказалъ Кин-гіок-кину, что Ли-хун-чангу надоѣло правительство Бинъ въ Корей и онъ хотѣлъ бы лично переговорить съ Кин-гіок-киномъ о томъ, какъ выполнить въ Сеулѣ планъ, по которому японская партія опять усилится. Онъ далъ Кин-гіок-кину фальшивый чекъ на 5000 іенъ, выданный Ли-хун-чангомъ на китайскій банкъ въ Шанхаѣ, и сообщилъ ему, что Ко-то-у и одинъ атташе китайскаго посольства въ Токію будутъ его сопровождать до китайскаго порта, откуда они смогутъ отправиться въ Тиенцзинь. Кин-гіок-кинъ былъ настолько наивенъ, что повѣрилъ всему этому, несмотря на предупрежденія нѣкоторыхъ японскихъ друзей его, и въ апрѣлѣ 1894 г. Ко-то-у застрѣлилъ его въ одномъ отелѣ въ Шанхаѣ. Ко-ту-о былъ арестованъ китайской полиціей, и Ли-хун-чангъ препроводилъ его подѣ конвоемъ въ Корею вмѣстѣ съ тѣломъ Кин-гіок-кина, которое, по прибытіи туда, было разрѣзано на шесть частей (голова, туловище и конечности) и въ продолженіе трехъ дней показывалось народу въ восьми провинціяхъ имперіи. Ко-то-у былъ отпущенъ корейскимъ правительствомъ на свободу, несмотря на представленія, которые иностранные консулы въ Шанхаѣ прислали черезъ своихъ посланныхъ Цунг-ли-ямену въ Пекинъ и несмотря на возраженія нашего посланника въ Сеулѣ.

Между тѣмъ Ри-итсу-соку остался въ Токію, чтобы убить Боку-эй-ко, но ему не повезло. Двое изъ его соучастниковъ, перешедшихъ въ партію Боку-эй-ко, предали его. Его пригласили въ гости къ корейскимъ студентамъ, учащимся въ Токію. Тутъ его связали веревками и заставили подѣ угрозой пытки рассказать всѣ подробности его секретной миссіи. Его бумаги были конфискованы, и среди нихъ нашлись два письма корейскаго императора. По японскимъ законамъ незаконный арестъ и угрозы подлежали наказанію, и корейскіе студенты были присуждены окружнымъ судомъ къ тюремному заключенію на нѣ-

сколько мѣсяцевъ. Ри-и-су-соку также былъ допрошенъ, но, по недостатку уликъ, былъ отпущенъ на свободу.

Начиная съ марта мѣсяца 1894 г. въ нѣкоторыхъ провинціяхъ Кореи возникли волненія. Такъ называемые То-гаку-то (общество Тонг-хакъ, т. е. восточныхъ наукъ) были доведены почти до отчаянія гнетомъ мѣстныхъ губернаторовъ, добившихся своихъ постовъ большими подкупамъ и стремившихся быть безвредными, вымогая у своихъ подчиненныхъ каждый грошъ. Эти недовольные враждебно относились къ иностранцамъ, потому что, по ихъ мнѣнію, бременемъ корейскаго чиновничества и порчей нравовъ они обязаны только общенію съ иностранцами, т. е. прежде всего съ японцами. Они устроили союзъ со слѣдующимъ девизомъ: „Общество должно быть преобразовано по добродѣтельнымъ принципамъ Конфуція. Право должно быть возстановлено, для чего нужно изгнать японскихъ варваровъ. Чиновники и дворяне должны быть изгнаны изъ Сеула вооруженной силой. Нравственные понятія опять войдутъ въ силу на основахъ ученія китайскихъ мудрецовъ“. Въ концѣ мая военный отрядъ изъ нѣсколькихъ сотъ человѣкъ, снаряженный правительствомъ, потерпѣлъ постыдное пораженіе, и возмущенное населеніе двинулось теперь со всѣхъ концовъ къ беззащитному Сеулу. Испуганное правительство партіи Бинъ потребовало у Китая помощи и Ли-хун-чангъ послалъ полкъ въ 1600 человѣкъ съ Шо-ши-шо и два военныхъ судна подъ начальствомъ адмирала Тей-ю-ся (Тингъ). Согласно Тіен-цзинскому договору, китайское правительство извѣстило объ этомъ наше правительство 7 іюня 1894 г., но въ письмѣ, которое представилъ китайскій посланникъ въ Токио, Корея одинъ разъ названа была покровительствуемой страной, а другой разъ—китайской колоніей. Японское правительство сейчасъ же отвѣтило, что оно никогда не признавало притязаній Китая покровительствовать Корей или повелѣвать ею, мобилизовало 6 дивизію и послало въ Корею одну бригаду подъ начальствомъ генерала Ошима; японская армія вошла въ Сеулъ, пока китайское войско было еще въ провинціи, и представитель Японіи заставилъ корейскаго императора попросить помощи Японіи для защиты отъ китайской арміи, угрожавшей независимости Кореи. Съ этого момента началась между Японіей и Китаемъ война, теченія которой не къ чему здѣсь приводить.

По Симоносекскому миру Китай формально призналъ независимость Кореи и этимъ, наконецъ, былъ положенъ конецъ корейскому вопросу.

Послѣ войны Россія, Франція и Германія начали протестовать противъ намѣренія Японіи присвоить Ляодунскій полуостровъ, основываясь на томъ, что это присвоеніе угрожаетъ миру на дальнемъ востокѣ. Японскій императоръ выслушалъ этотъ, какъ казалось, хорошій совѣтъ и уступилъ полуостровъ безъ всякихъ оговорокъ. Является теперь вопросъ, почему японскіе дипломаты не выговорили у посредничавшихъ державъ какихъ-нибудь гарантій, что и они никогда и ни подъ какимъ видомъ не присвоятъ себѣ полуострова? Дѣло обстояло такъ: вмѣшательство трехъ державъ имѣло мѣсто въ Токио 23 апрѣля 1895 г., — т. е. черезъ недѣлю послѣ заключенія мира въ Симоносеки, — съ обмѣномъ нотъ. Россія уже въ концѣ марта 1895 г. послала въ воды дальняго востока военныя суда, а Франція и Германія спѣшили послѣдовать ея примѣру. Японское правительство нашло нужнымъ привести въ извѣстность двѣ вещи: прежде всего, дѣйствительно ли Россія на-

мѣревается бороться съ Японіей и затѣмъ насколько она можетъ рассчитывать на помощь Англіи. Чтобы выиграть время, графъ Мутсу поручилъ японскому посланнику въ Петербургъ посѣтить русскаго министра иностранныхъ дѣлъ и заявить ему, что японское правительство просить русское правительство еще разъ обсудить вопросъ. Это было необходимо, потому что Россія уклонялась отказать отъ своихъ намѣреній и продолжала такъ усиленно свои военные приготовленія, что было уже поздно представить державамъ новыя требованія, чтобы и они въ будущемъ отказались отъ присвоенія Ляодуна. Въ то же время стало извѣстно, что отъ Англіи можно ожидать только благосклоннаго нейтралитета. Но тутъ былъ утерянъ благоприятный случай.

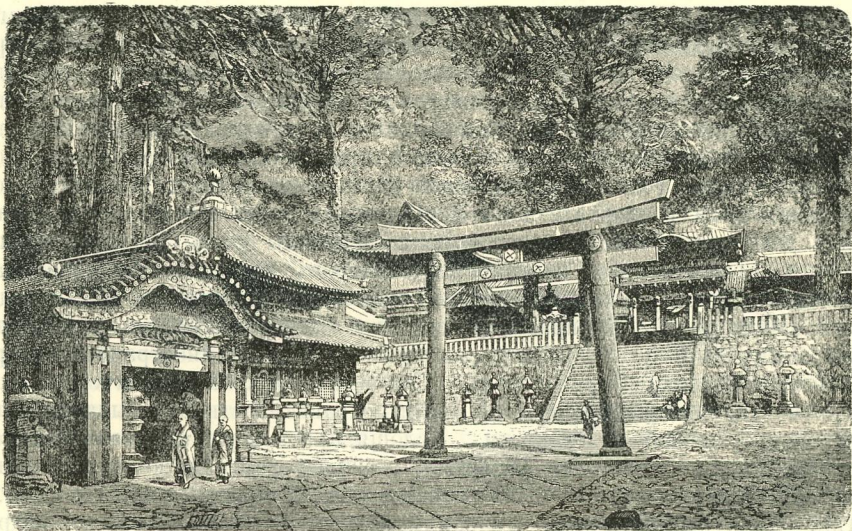
Вопросъ о пересмотрѣ договора.

Мы подходимъ теперь къ послѣдней дипломатической задачѣ новаго имперскаго правительства, надъ рѣшеніемъ которой не одинъ государственный дѣятель ломалъ себѣ голову. Экстерриториальная подсудность, которою пользовались иностранцы въ Японіи, должна была быть упразднена, невыгодныя таможенныя ставки, которыя приложены были къ договору, требовали пересмотра, а примѣненіе благоприятныхъ дополнителныхъ условій должно было быть сдѣлано на основаніяхъ соглашенія обѣихъ сторонъ, а не одной только, какъ это было въ прежнихъ договорахъ. Такъ какъ 4 іюля истекалъ срокъ, послѣ котораго Японія могла требовать пересмотра договоровъ, подписанныхъ еще правительствомъ Токугава, то имперское правительство пересмотрѣло сводъ уголовныхъ законовъ, упразднило систему пытокъ въ 1871 г. и послало за-границу „миссію Ивакуры“ для переговоровъ съ иностранными державами о пересмотрѣ договоровъ. Главнымъ пунктомъ въ начертаніяхъ пересмотра, поставленнымъ японскимъ правительствомъ, была отмѣна экстерриториальной подсудности. Условія, при которыхъ начались переговоры съ Соединенными Штатами, и характеръ ихъ перерыва были уже описаны выше; это былъ первый опытъ пересмотра. Въ отсутствіи Ивакуры пересмотромъ занимался графъ Сойеджима, министр иностранныхъ дѣлъ, ведя переговоры съ посланникомъ въ Токио. Ему принадлежала мысль разрѣшить иностранцамъ жить внутри страны вмѣсто того, чтобы ограничить ихъ пребываніе только въ опредѣленныхъ мѣстахъ (колоніяхъ); онъ имѣлъ при этомъ въ виду добиться двоякихъ результатовъ: вліянія цивилизованныхъ людей на нашу націю и согласія западныхъ державъ на пересмотръ договоровъ. На вопросъ, почему онъ признаетъ несправедливыми существующіе договоры, онъ отвѣтилъ, что для того, чтобы они были справедливы, Англія должна дать Японіи такія же права и преимущества, какія дала и еще дастъ Франція, а Франція — такія, какъ Германія и т. д. Т. е., другими словами, онъ указывалъ на несправедливое обязательство Японіи давать всѣ выгоды и преимущества западнымъ народамъ, въ то время, какъ отношенія этихъ послѣднихъ къ Японіи были противоположнаго характера. Иностранные посланники въ Токио въ принципѣ были согласны съ необходимостью пересмотра договоровъ, а представитель Италіи пошелъ даже такъ далеко, что согласился сдѣлать итальянскихъ подданныхъ въ Японіи подсудными мѣстнымъ законамъ, но подъ условіемъ разрѣшенія жить имъ внутри страны. Но посланники другихъ державъ заявили протестъ противъ готовности ихъ итальянскаго коллеги

идти на встрѣчу Японіи, а отъѣздъ графа Сойеджимы съ миссіей въ Китай и паденіе кабинета сейчасъ по его возвращеніи помѣшали ему достигнуть цѣли.

Второй систематическій опытъ пересмотра договоровъ былъ сдѣланъ министромъ иностранныхъ дѣлъ—графомъ Терашима—сейчасъ же послѣ междоусобной войны 1877 года. Такъ какъ было очевидно, что пока законы и вся система юриспруденціи не будутъ реформирована въ Японіи по европейскому образцу, нельзя будетъ добиться юридическихъ правъ, то графъ Терашима поставилъ главнымъ условіемъ своего пересмотра установоеніе независимости въ вопросѣ о пошлинахъ. Вотъ какъ онъ развивалъ свои мысли:

„Когда впервые составлялись договоры, то ни правительство, ни народъ ничего не понимали въ дѣлахъ внѣшней торговли, и все было

Храмъ Шинто въ Никко.

сдѣлано согласно желаніямъ иностранныхъ державъ; но послѣ десятилѣтняго опыта мы убѣдились въ томъ, что существующіе договоры сильно ограничиваютъ нашу независимость. Кромѣ того, ежегодныя общественныя затраты начали увеличиваться съ тѣхъ поръ, какъ правительство приступило къ трудамъ въ пользу національнаго прогресса и просвѣщенія, а такъ какъ для увеличенія государственныхъ доходовъ нѣтъ возможности повысить ввозную пошлину, то правительство принуждено будетъ прибѣгнуть, какъ къ единственному средству, къ увеличенію налоговъ внутри страны. Если національное могущество, благодаря все возрастающимъ народнымъ тяготамъ, ослабнетъ, то можетъ возникнуть недовольство политикой національнаго прогресса и открытыхъ дверей въ странѣ, и послѣдствіемъ этого недовольства могутъ быть непредвидѣнныя осложненія. Этого правительство боится больше всего. Поэтому мы считаемъ очень важнымъ въ вопросѣ о таможенномъ тарифѣ добиться вновь нашей независимости, такъ какъ это единственное средство покрыть финансовый дефицитъ и удовлетворить общественное мнѣніе и въ то же время способствовать внѣшнему

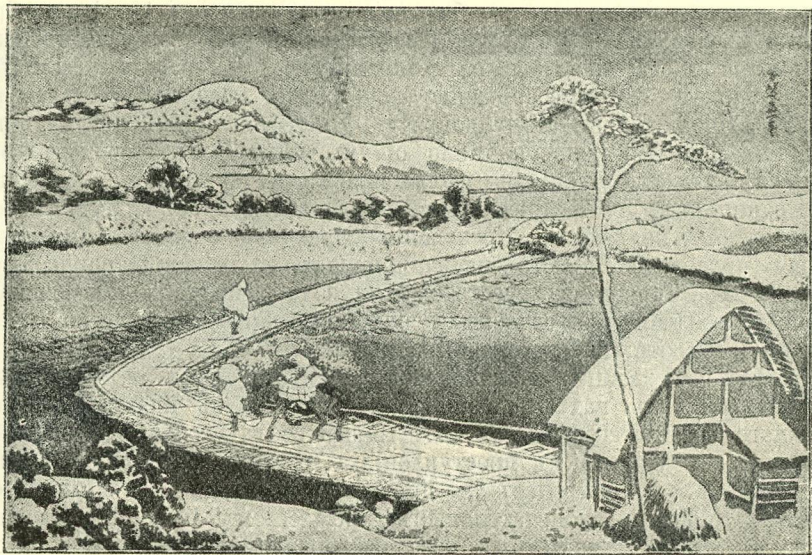
общенію и международнымъ торговымъ сношеніямъ. На этомъ основаніи Японія надѣется, что иностранныя державы опять признають за ней свободу произвольнаго установленія ввозныхъ пошлинъ подъ тѣмъ условіемъ, чтобы мы никогда не вводили безъ спеціального договора не обусловленныхъ раньше пошлинъ. Затѣмъ, если для успѣха внѣшней торговли понадобится упразднить пошлину съ вывозныхъ товаровъ и открыть новые порты, то каботаждъ во всякомъ случаѣ долженъ подлежать исключительно контролю японскаго правительства“.

Соединенные Штаты охотно согласились на предложеніе графа Терашимы, и новый договоръ былъ объявленъ и подписанъ въ Вашингтонѣ 25 іюля 1878 г., но онъ не долженъ былъ войти въ силу до тѣхъ поръ, пока Японія не заключить такихъ же договоровъ съ другими державами или же значительно измѣнить существующіе. Такъ какъ реформа таможенныхъ пошлинъ больше всего затрагивала Англію, то британскій посланникъ, сэръ Гарри Парксъ, сильно протестовалъ противъ пересмотра и тщетность всѣхъ стараній графа Терашимы была уже очевидна, какъ одинъ совершенно посторонній несчастный случай положилъ вдругъ конецъ этому вопросу. Въ 1878 г. одинъ англичанинъ, по имени Гартлей, привезъ тайно опиумъ, чѣмъ былъ нарушенъ договоръ, но такъ какъ Японія не имѣла права судить по своимъ законамъ иностранцевъ, то объ этомъ случаѣ было доложено британскому консулу, который на какомъ-то основаніи оправдалъ обвиняемаго. Этотъ случай привелъ въ ярость японскій народъ, находившій теперь мѣропріятія графа Терашимы недостаточными и требовавшій теперь сразу и таможеннаго тарифа и судебныхъ реформъ. Графъ Терашима подалъ прошеніе объ отставкѣ, и она была принята.

Слѣдующій министръ иностранныхъ дѣлъ графъ Инуйе также усердно работалъ надъ пересмотромъ совмѣстно съ членомъ государственнаго совѣта графомъ Окума. Новый сводъ уголовныхъ законовъ и законы объ уголовныхъ преступленіяхъ, составленные французскимъ юристомъ М. де-Буассонадъ и принятые сенатомъ, этимъ единственнымъ въ то время законодательнымъ учрежденіемъ, были обнародованы въ іюлѣ 1880 г. и, какъ имъ казалось, должны были имѣть успѣхъ. Намѣренія графовъ Инуйе и Окума состояли въ томъ, чтобы снова добиться самостоятельности въ вопросѣ о таможенномъ тарифѣ не сразу, а постепенно, ведя переговоры не съ каждой державой отдѣльно, какъ дѣлалъ графъ Терашима, но со всѣми вмѣстѣ въ формѣ дипломатической конференціи, которая должна была происходить въ Токио, въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ. Главное условіе договора основывалось на полномъ удовлетвореніи сторонъ, но къ нему была приложена памятная записка, ограничивающая судебную власть надъ иностранцами на определенное число лѣтъ, и отдѣльные пункты, касающіеся торговли и судоходства, по которымъ тарифное положеніе должно было быть пересмотрѣно въ нашу пользу; но до произвольности было еще далеко. Веденіе переговоровъ было обставлено секретно, но все-таки проектъ ихъ былъ опубликованъ, благодаря нескромности датскаго посланника, въ „*Yokohama Herald*“, и недовольство общественнаго мнѣнія такими пристрастными мѣропріятіями скоро стало очень замѣтно. Датскій посланникъ былъ отозванъ, и переговоры были прерваны. Такъ окончился третій опытъ пересмотра договоровъ въ 1880 г.

Послѣ того, какъ графъ Окума въ 1881 г. сдѣлался вожакомъ первой политической партіи, графъ Инуйе остался единственнымъ хода-

таемъ движенія въ пользу пересмотра договоровъ передъ правительствомъ. Онъ придерживался принципа не только реформирования законовъ и учреждений въ Японіи, но и европеизированія правовъ и обычаевъ японцевъ, чтобы этимъ показать иностраннымъ державамъ анахронизмъ существующихъ договоровъ. Уже въ 1882 г. онъ пригласилъ иностранныхъ посланниковъ въ Токіо для предварительныхъ переговоровъ о пересмотрѣ договоровъ и совѣтовался съ ними относительно начертаній законовъ, касающихся преимуществъ консуловъ въ Японіи: судопроизводства, отдачи въ откупъ земель, реформы органовъ правленія, отношенія къ христіанской религіи въ Японіи, узаконеній о торговлѣ и портахъ, узаконеній о каботажѣ, маякахъ, суднахъ, кораблекрушеніяхъ (аваріяхъ) и даже о нейтралитетѣ.

Пейзажъ. Картина Гохуаи.

Корейскій вопросъ 1882 и 1884 гг. и постоянныя недоразумѣнія съ Китаемъ помѣшали ему лично предпринять великое дѣло пересмотра, пока въ 1885 г. его близкій другъ и товарищъ, нынѣшній маркизъ Ито, не былъ назначенъ министромъ президентомъ вновь организованнаго кабинета ¹.

Такъ какъ теперь возможенъ былъ болѣе согласный образъ дѣйствія, то планъ преобразованія на европейскій образецъ былъ выполненъ въ большомъ масштабѣ. Рокумейкванъ былъ построенъ въ европейскомъ стилѣ за счетъ правительства; усвоенію чужеземныхъ дамскихъ нарядовъ и причесокъ очень покровительствовали, и въ вихрѣ баловъ, празднествъ, вечеровъ и даже маскарадовъ 1 мая 1886 г. была

¹ Въ декабрѣ 1885 г. была упразднена старая система дайжакванъ. Великое имперское правительство, съ его премьеръ-министромъ, министромъ лѣвой и правой и съ цѣлымъ рядомъ членовъ государственнаго совѣта замѣнены нынѣшней системой съ государственными министрами, изъ которыхъ каждый отвѣчаетъ за свой департаментъ и подчиняется руководителю министра-президента.

открыта конференція для пересмотра договоровъ. Посланники двѣнадцати державъ принимали участіе въ ней. Послѣ семи засѣданій она была отсрочена, чтобы дать время иностраннымъ посланникамъ получить инструкціи отъ своихъ правительствъ, а 20 октября переговоры возобновились. Между тѣмъ былъ учрежденъ комитетъ для выработки свода законовъ гражданскихъ и торговыхъ и даже не юридическимъ отдѣленіемъ, къ которому оно принадлежало, а въ иностранномъ отдѣлѣ и подъ предсѣдательствомъ самого графа Инуи. Присутствующему маркизу генералу Ямагатѣ (нынѣшнему маршалу) была довѣрена реорганизація системы самоуправленія, для чего онъ поѣхалъ въ Европу; онъ былъ основателемъ нынѣшней системы коммунальнаго самоуправленія, учрежденнаго по прусскому образцу.

Въ апрѣлѣ 1887 года пришли къ слѣдующему заключенію относительно содержанія пересмотрѣннаго договора:

Таможенный тарифъ.

„На предметы ввоза будетъ назначена пошлина въ 10⁰%, на нѣкоторые подробно указанные предметы тѣ же 5⁰%, какъ до сихъ поръ, на хлопчатую бумагу и шерсть 7¹/₂⁰%, а на предметы роскоши 20—25⁰%. На всѣ предметы вывоза будетъ взиматься пошлина, какъ до сихъ поръ — 5⁰%.

Пошлины должны существовать *ad valorem* для ввоза и вывоза.

Новый тарифъ вступаетъ въ силу не раньше конца 1889 года.

Экстерриториальная подсудность.

Экстерриториальная подсудность вначалѣ не была совсѣмъ упразднена, а только видоизмѣнена, и на этомъ основаніи живущіе въ Японіи иностранцы должны были подчиниться узакненіямъ соотвѣтственно своему мѣсту жительства.

Въ продолженіе трехъ лѣтъ, слѣдующихъ за пересмотромъ, всѣ живущіе въ семи вошедшихъ въ договоръ портовыхъ городахъ иностранцы совершенно пребываютъ въ японскаго судопроизводства, т. е. по отношенію къ нимъ примѣняется консульское судопроизводство.

Между тѣмъ въ продолженіе тѣхъ же трехъ лѣтъ иностранцы, живущіе внутри страны и имѣющіе имущество, подсудны японскимъ законамъ, исключая случаевъ смертной казни, въ которыхъ дѣйствуютъ законы ихъ страны.

Въ случаѣ возбужденія гражданскихъ и уголовныхъ дѣлъ противъ иностранцевъ, живущихъ внутри страны, иностранные судьи исполняютъ должности присяжныхъ; они находятся на жалованьи у японскаго правительства и не являются представителями своей страны.

Въ теченіе 12 лѣтъ до 1891 г. включительно уговоръ состоялъ въ слѣдующемъ: разница между иностранцами, живущими въ договорныхъ портахъ и находящимися внутри страны — уничтожена, но во всѣхъ гражданскихъ и уголовныхъ дѣлахъ, касающихся иностранцевъ, японскіе законы приводятся въ исполненіе совмѣстно японскими судьями и иностранными, какъ представителями ихъ правительствъ.

По истеченіи упомянутыхъ двѣнадцати лѣтъ японское правительство пользуется неограниченной судебной властью надъ иностранцами.

Съ пересмотромъ можно было въ то время согласиться, но

условія, при которыхъ онъ состоялся, привели въ негодованіе извѣстный классъ людей, принадлежащихъ къ кругамъ правительства и частныхъ людей. Когда въ маѣ были представлены тайному совѣту начертанія пересмотрѣннаго договора, то нельзя было добиться единогласнаго принятія его. Покойный графъ Котсу, бывшій когда-то членомъ правительства Токугавы, ловкости котораго, какъ государственнаго дѣятеля, и личному вліянію котораго приписываютъ мирный переходъ власти сіюгуна къ имперскому правительству, подалъ кабинету памятную записку, въ которой пересчитывалъ „двадцать одну ошибку времени“, происходящую отъ стремленія перенять внѣшнія стороны западной цивилизаціи. Позже одинъ изъ членовъ кабинета, генераль Тани, министръ торговли и земледѣлія, недавно вернувшійся изъ Европы, указалъ на семь недостатковъ въ начертаніяхъ пересмотрѣннаго договора и оставилъ свой постъ. Де-Буассонадъ, французскій юристъ, которому поручено было составить нашъ сводъ законовъ, самъ былъ противникомъ того, чтобы въ японскіе суды принимались на службу иностранные судьи. Трактаты этихъ двухъ послѣднихъ лицъ были тайно напечатаны нѣкоторыми студентами-патріотами и безпріятственно циркулировали среди политиковъ-любителей въ Токио. Отсюда возникло много союзовъ для оппозиціи противъ пересмотра договора въ его теперешней формѣ, и почти ежедневно происходили демонстраціи въ городѣ и въ провинціяхъ.

Еще одно незначительное обстоятельство способствовало неодобренію внѣшней политики графа Инуйе. Въ октябрѣ 1886 г. одинъ англійскій пароходъ „Normanton“ потерпѣлъ крушеніе у береговъ Кисина и всѣ находящіеся на борту были спасены, исключая сорока съ лишнимъ каютныхъ пассажировъ, японцевъ, которые погибли. Когда убѣдились, что даже китайскаго слугу можно было спасти, то капитана громогласно объявили виновнымъ, а такъ какъ общественное мнѣніе требовало удовлетворенія, то наше правительство заявило о капитанѣ британскому консульскому суду; но послѣ продолжительнаго судопроизводства онъ не получилъ должнаго наказанія, котораго заслужилъ въ глазахъ японцевъ.

Послѣ двадцати девяти засѣданій графъ Инуйе принужденъ былъ 29 іюля 1887 г. объявить до поры до времени отсрочку конференціи на томъ основаніи, что нужно было закончить составленіе свода законовъ гражданскихъ и торговыхъ, прежде чѣмъ приступить къ пересмотру договора. Графъ Инуйе оставилъ свой постъ, пробывши на немъ восемь лѣтъ, и этимъ окончился четвертый опытъ пересмотра.

Министръ президентъ маркизь Ито передалъ 1 февраля 1888 г. портфель министра иностранныхъ дѣлъ графу Окума, который сейчасъ же употребилъ всю свою энергію на дѣло пересмотра договоровъ и передалъ дѣлопроизводство своего отдѣла заботамъ вице-министра виконта Аоки. Его политика была діаметрально противоположна политикѣ его предшественниковъ, такъ какъ онъ настоялъ на томъ, чтобы существующіе договоры строго исполнялись, и лишилъ всѣхъ живущихъ въ Японіи иностранцевъ всѣхъ дозволенныхъ имъ донынѣ снисхожденій и преимуществъ, не точно указанныхъ въ договорѣ, дабы иностранныя правительства сами увидѣли необходимость пересмотра договоровъ. Между прочимъ, онъ настоялъ на томъ, чтобы покровительственное дополнительное условіе было выполнено условно, чтобы избавить Японію отъ необходимости пересмотра договоровъ со всѣми державами заразъ.

Прежде всего былъ подписанъ дружественный договоръ между Японіей и Мексико 30 ноября 1888 г. и это былъ единственный договоръ, заключенный на равныхъ условіяхъ, который когда-либо подписывало японское правительство. Японцамъ въ Мексико и мексиканцамъ въ Японіи было разрѣшено ѣздить внутри каждой изъ странъ, жить тамъ постоянно или временно съ единственнымъ ограниченіемъ не приобретать недвижимости. Пошлина была автономная, но не должна была быть ни выше, ни ниже пошлины, которой были обложены ввозные товары другихъ странъ. Экстерриториальная подсудность здѣсь не упоминалась. Покровительственное дополнительное условіе должно было, быть, конечно, взаимодѣйствительнымъ и въ то же время условнымъ, т.е. право или преимущество, которымъ пользовался А, должно было также принадлежать В, С, D и т. д. безъ вознагражденія, если первоначальное дозволеніе было дано безъ вознагражденія, но съ тѣмъ же или равнымъ вознагражденіемъ, если первоначальное согласіе на вознагражденіе за какое-нибудь право или преимущество было дозволено.

Въ то же самое время велись переговоры съ Соединенными Штатами, посланникъ которыхъ въ Токио въ концѣ 1888 г. потребовалъ по телеграфу инструкцій отъ своего правительства и черезъ 48 часовъ получилъ предписаніе принять договоръ японской редакціи. Англія, Франція, Германія, Россія, Италія и Австро-Венгрія получили также предложеніе принять во вниманіе пересмотръ.

Въ это время въ Японіи произошелъ случай величайшей важности, благодаря которому пересмотръ договоровъ принялъ совершенно другую фizioномію. Передъ этимъ событіемъ маркизь Ито отказался 30 апрѣля 1888 г. отъ своего поста премьеръ-министра въ пользу графа Курода, и такъ какъ онъ самъ сдѣлался президентомъ Тайнаго совѣта, онъ предложилъ составленныя подъ его руководствомъ на разсмотрѣніе начертанія конституціонныхъ законовъ этой почтенной корпораціи, состоящей изъ всѣхъ мужчинъ императорской фамиліи, изъ находящихся на службѣ министровъ и специальныхъ совѣтниковъ, къ которымъ принадлежали величайшія личности новой эпохи, какъ, напр., принцъ Санжо, графы Хигашикуйе, Сойеджима, Терашима, Оки, Сано, Котеу, Торио, Тоншии, виконты Эномото, Номура, Хижибата. Императоръ присутствовалъ почти на всѣхъ засѣданіяхъ, и такъ какъ императорская конституція и связанные съ нею законы и постановленія были готовы, то она и была объявлена 11 февраля 1889 г. Съ этого времени Японія сдѣлалась конституціоннымъ государствомъ и, соотвѣтственно этому, должна была пользоваться неограниченнымъ правомъ независимости въ своихъ внѣшнихъ дѣлахъ, такъ что теперь пересмотръ трактатовъ получилъ новое значеніе и сдѣлался настоятельно необходимымъ.

Въ Германіи наши переговоры велись нашимъ посланникомъ маркизомъ Сайонжи и графомъ Гербертомъ Бисмаркомъ, и въ телеграммѣ, которую наше правительство получило 11 іюня 1889 г., извѣщено было о томъ, что договоръ подписанъ. Этотъ успѣхъ приписывался графу Окума. Россія также согласилась на пересмотръ. Посланники Испаніи, Португаліи, Голландіи и другихъ небольшихъ державъ были увѣдомлены, что они также должны выхлопотать у своихъ правительствъ полномочія, касающіяся пересмотра трактатовъ.

Но тутъ опять возникло неожиданное препятствіе. Корреспондентъ лондонскаго „Times'a“ оповѣстилъ 11 марта 1889 г. содержаніе дого-

вора, появившагося въ номерѣ отъ 19 апрѣля и въ то же время былъ распространенъ среди японскихъ читателей его. Онъ гласитъ слѣдующее¹.

Таможенный тарифъ.

Одобренныя конференціей 1886—87 г. (конференція графа Инуйе) ввозныя пошлины должны быть сохранены и на будущее время.

Экстерриториальная подсудность.

1. Въ опредѣленный срокъ послѣ открытія имперскаго парламента въ 1890 г. иностранцамъ въ Японіи будетъ даровано право безпрепятственно разѣзжать, селиться, вести торговлю и приобрѣтать недвижимость въ любомъ мѣстѣ имперіи, за предѣлами колоній, обозначенныхъ въ прежнихъ договорахъ; но эти иностранцы подлежатъ подсудности Японіи въ тѣхъ случаяхъ, когда пользуются вышеупомянутыми правами.

2. Существующее устройство колоній и консульской юрисдикціи будетъ сохранено въ теченіе опредѣленного числа лѣтъ послѣ срока, обозначеннаго въ пунктѣ 1, въ пользу желающихъ тамъ жить, но, по истеченіи этого срока существующая организація будетъ совсѣмъ уничтожена.

3. Нижеслѣдующій пунктъ долженъ быть одобренъ дипломатической нотой. Передъ открытіемъ страны иностранцамъ, какъ указано въ пунктѣ 1, извѣстное число иностранныхъ судей должны быть назначены судьями высшаго (верховнаго) суда. Они принимаютъ участіе въ гражданскихъ искахъ въ 100 іенъ и выше и во всѣхъ уголовныхъ дѣлахъ. Въ тѣхъ случаяхъ, когда спорящей стороной является иностранецъ — абсолютное большинство судей должно состоять изъ иностранцевъ. Этотъ договоръ дѣйствителенъ въ продолженіе десяти лѣтъ, по истеченіи которыхъ Японія приобрѣтаетъ неограниченное право на уничтоженіе смѣшанныхъ консульскихъ судовъ.

4. Нижеслѣдующій пунктъ долженъ быть также закрѣпленъ дипломатической нотой. Для выполненія пункта 2 долженъ быть составленъ новый сводъ гражданскихъ законовъ и войти въ силу за три года до упраздненія колоній и консульской юрисдикціи, а засвидѣтельствованный переводъ его на англійскій языкъ долженъ быть опубликованъ за полтора года до назначеннаго срока“.

Какъ только тайна этимъ путемъ стала извѣстна, въ правительственныхъ кругахъ и виѣ ихъ поднялся протестъ противъ новой формы пересмотра². Большинство Дженро-инъ (старого сената) и тайнаго совѣта протестовало противъ него, главнымъ же образомъ маркизъ Ито и графъ Инуйе; первый — потому что ему казалось, что назначеніе чужеземныхъ судей въ верховномъ судѣ не согласовалось съ духомъ новаго государственнаго устройства, а графъ Инуйе — потому, что точно такое же условіе послужило причиной неудачи его собственнаго проекта два года назадъ. Въ засѣданіи кабинета 2 августа было рѣшено, что „иностранные судьи“ въ начертаніяхъ пересмотрѣннаго дого-

¹ Это уже переводъ съ японскаго.

² Графъ Окума не сообщилъ своимъ коллегамъ содержанія своего плана пересмотра, такъ какъ императоръ поручилъ дѣло пересмотра трактатовъ исключительно министру иностранныхъ дѣлъ, а не всему кабинету.

вора должны быть переименованы въ „натурализованныхъ въ Японіи иностранныхъ юристовъ“, и тутъ же былъ торопливо набросанъ законъ о натурализаціи. Но и эта мѣра не могла быть одобрена по двумъ причинамъ: во-первыхъ, потому, что ограниченіе императорскаго права назначенія судей посредствомъ договоровъ противорѣчитъ идеѣ независимости страны; а во-вторыхъ—то обстоятельство, что изъ двѣнадцати судейскихъ должностей въ верховномъ судѣ семь могли быть заняты только натурализованными подданными, считалось явнымъ нарушеніемъ того параграфа конституціи, который опредѣляетъ, что всѣ officialныя должности, безъ исключенія, открыты для всѣхъ японскихъ подданныхъ.

Никогда еще въ Японіи не было такихъ шумныхъ и горячихъ политическихъ споровъ, какъ въ это время. Члены партіи графа Окума энергично защищали свой проектъ въ рѣчахъ и въ печати, но всѣ другія партіи считали его позоромъ для націи. Новые союзы, клубы и газеты возникли по всей странѣ и во всѣхъ слояхъ народной массы, главнымъ образомъ для того, чтобы вести борьбу противъ новыхъ договоровъ, которые должны были войти въ силу въ февралѣ слѣдующаго года. Въ концѣ сентября число петицій, поданныхъ народомъ сенату по поводу пересмотра¹, равнялось 305, изъ которыхъ 185 прошеній съ 63.616 подписями было противъ проекта пересмотра, и 120 прошеній съ 6759 подписями за него.

Министръ-президентъ графъ Курода рѣшилъ во что бы то ни стало поддержать графа Окума, но министръ финансовъ графъ Матсуката предложилъ составить особую комиссію для необходимыхъ подготовительныхъ работъ по вопросу о пересмотрѣ трактатовъ въ различныхъ отрасляхъ управленія, и графъ Гото, министръ путей сообщенія, за спиной котораго была группа могущественныхъ политическихъ союзовъ—противниковъ проекта, требовалъ совѣщанія кабинета въ присутствіи его величества, чтобы на мѣстѣ разрѣшить или отвергнуть пересмотръ. Наконецъ, 15 октября 1889 г. совѣщаніе кабинета состоялось въ присутствіи императора. Оно продолжалось съ 3 часовъ пополудни до наступленія темноты; графъ Окума горячо защищалъ свои взгляды, которыми графъ Гото противопоставлялъ убѣдительные аргументы, а генералъ маркизъ Ямагата, министръ внутреннихъ дѣлъ, недавно вернувшійся изъ Европы, задалъ графу Окума нѣсколько важныхъ вопросовъ. Когда министръ-президентъ предложилъ императору прекратить засѣданіе, то члены совѣта не пришли ни къ какому заключенію. 18 октября опять состоялся совѣтъ кабинета, только безъ предсѣдательства императора, на которомъ было почти рѣшено отсрочить пересмотръ, когда графъ Окума былъ серьезно раненъ динамитной бомбой, брошенной въ его экипажъ Тсунеки Курушимой, бывшимъ самураемъ изъ Фукуока, въ то время какъ онъ возвращался въ министерство иностранныхъ дѣлъ въ 4 ч. дня; Курушима тутъ же на мѣстѣ закололся кинжаломъ. Къ счастью, рана графа Окума не была смертельной, но ампутація лѣвой ноги на нѣсколько мѣсяцевъ лишила его возможности заниматься государственными дѣлами. Кабинетъ Куроды 25 октября подалъ въ отставку, и невозможность найти премьеръ-министра среди министровъ, находящихся на службѣ, заставила императора вызвать изъ своего уединенія

¹ По закону того времени всѣ петиціи, затрагивающія политическіе вопросы, должны были быть подаваемы сенату.

принца Санжо и поручить ему составить новый кабинетъ. Итакъ, пятый опытъ пересмотра трактатовъ не увѣнчался успѣхомъ.

Генераль-маркизь Ямагата составилъ новый кабинетъ, и графъ Аоки былъ назначенъ министромъ иностранныхъ дѣлъ.

Слѣдующій затѣмъ 1890 годъ былъ очень дѣятельнымъ въ политической жизни Японіи, такъ какъ въ этомъ году императорскій парламентъ долженъ былъ собраться впервые и новый образъ правленія долженъ былъ войти въ силу. Много надо было рѣшить вопросовъ прежде, чѣмъ законодательство будетъ запутано добавленіями новыхъ законоположеній и начертаній, о назначеніи и соблюденіи которыхъ никто не могъ впередъ судить; и среди другихъ, можно сказать, втиснутыхъ въ это время законовъ, были законы гражданскіе, торговые и гражданское судопроизводство, и законъ объ организаціи судебныхъ палатъ. Они всѣ были подготовлены законодательной комиссіей, созданной непосредственно послѣ отставки графа Инуйе; сводъ гражданскихъ законовъ былъ составленъ М. де Буассонадъ, сводъ законовъ о торговлѣ—знаменитымъ нѣмецкимъ юристомъ, д-ромъ Рёслеромъ, гражданское судопроизводство и законъ о преобразованіи судебныхъ палатъ—другимъ нѣмецкимъ юристомъ—д-ромъ Рудольфомъ. Возраженій противъ этого слишкомъ быстрого законодательства было много и сенатъ, который вскорѣ долженъ былъ уступить мѣсто имперскому парламенту, отвергъ ихъ. Но необходимость усовершенствованія ихъ, какъ подготовительный шагъ къ пересмотру трактатовъ и боязнь, что нарождающійся парламентъ не декретируетъ ихъ никогда, заставили кабинетъ Ямагаты смѣло ввести ихъ въ дѣйствіе. Законъ объ организаціи судебныхъ палатъ вошелъ въ силу съ 1 ноября 1891 г., уставъ о торговлѣ и гражданское судопроизводство—съ 1 января 1892 г., а введеніе свода гражданскихъ законовъ, долженствовавшего войти въ силу 1 января 1893 г., было отсрочено на пять лѣтъ закономъ, прошедшимъ въ одно изъ первыхъ засѣданій парламента. Справедливость требуетъ сказать, что гражданскій кодексъ и кодексъ торговый съ согласія парламента были позже тщательно пересмотрѣны, такъ что теперь они вполне соотвѣтствуютъ японской жизни и учрежденіямъ страны и не было еще сѣтованій на то, что они иностраннаго происхожденія.

Ко времени приближенія дня первыхъ выборовъ въ 1890 г. политическая жизнь народа съ собраніями, партіями, газетами и т. п. получила новую силу и значеніе. Весь старый сенатъ въ полномъ составѣ перешелъ въ новую палату господъ, къ которой принадлежали всѣ члены императорской фамиліи мужского пола, точно также и оба высшіе аристократическіе рода, между тѣмъ какъ графы, виконты и бароны замѣнялись классовыми выборами. Маркизь Ито былъ назначенъ императоромъ первымъ президентомъ палаты господъ. Въ нижней палатѣ партія графа Итагаки выбрала наибольшее число членовъ, а партія графа Окума также имѣла много представителей, но ни одна изъ нихъ не обладала абсолютнымъ большинствомъ. Первая сессія была довольно бурна, но окончилась хорошо, главнымъ образомъ изъ уваженія къ императору, серьезное желаніе котораго видѣть равномѣрную работу государственнаго переустройства завоевало ему симпатіи сердецъ и укротило умы.

Въ маѣ 1891 г. генераль-маркизь Ямагата добровольно отказался отъ своего поста, и графъ Матсуката былъ назначенъ слѣдующимъ министромъ-президентомъ. Виконтъ Аоки былъ еще министромъ иностран-

ныхъ дѣлъ, но черезъ нѣсколько дней долженъ былъ уйти со своего поста вслѣдствіе несчастнаго случая, происшедшаго съ наслѣдникомъ русскаго престола Цесаревичемъ Николаемъ. Онъ былъ въ Японіи на пути во Владивостокъ, куда онъ былъ посланъ своимъ отцомъ для освященія вновь строящейся великой Сибирской желѣзной дороги, когда одинъ ослѣпленный полицейскій, быть можетъ, видѣвшій въ немъ будущаго врага Японіи, ранилъ его у одного храма мечемъ. Адмиралъ-викоунтъ Эномото, тайный совѣтникъ (тотъ самый Эномото, который въ 1869 г. воевалъ противъ императорскихъ войскъ), былъ назначенъ слѣдующимъ министромъ иностранныхъ дѣлъ. У него были свои планы насчетъ пересмотра трактатовъ, но паденіе кабинета Матсуката, бывшее послѣдствіемъ конфликта съ третьимъ парламентомъ, не дало ему времени обнаружить ихъ.

Бросивъ ретроспективный взглядъ на событія, мы можемъ сказать, что для Японіи съ ея народомъ, не подготовленнымъ къ жизни съ иностранцами, съ ея абсолютнымъ, хотя и не деспотическимъ образомъ правленія и съ ея еще не усовершенствованными законами, опыты пересмотра договоровъ были невозможны. На этомъ основаніи у цивилизованныхъ народовъ Европы главнымъ пунктомъ ихъ внѣшней политики было охраненіе жизни, имущества и торговли ихъ чужеземныхъ подданныхъ, и пока Японія не представила гарантій, что она также имѣетъ въ виду эту цѣль, — ни одно правительство не могло довѣрить нашимъ заботамъ своихъ подданныхъ. Пока эти гарантіи не были даны, западные народы должны были, естественно, придерживаться системы „колоній“ и „консульской юрисдикціи“. Когда въ Японіи былъ объявленъ конституціонный режимъ, европеизированная юрисдикція и основанные на тѣхъ же принципахъ, какъ въ Европѣ и Америкѣ, кодексы законовъ начали тамъ дѣйствовать безъ помѣхи, то всякое препятствіе для пересмотра трактатовъ потеряло *raison d'être*. Китайская война 1894—95 г., доказавшая дѣйствительное могущество Японіи и ея способность, — не только въ мирное время, но и во время войны по отношенію къ врагу, — дѣйствовать, какъ подобаетъ цивилизованной странѣ, значительно облегчила дѣло пересмотра трактатовъ.

Послѣ паденія кабинета Матсуката въ августѣ 1892 г. маркизъ Ито былъ снова назначенъ премьеръ-министромъ, а графъ Мутсу — министромъ иностранныхъ дѣлъ¹. Во время четвертаго засѣданія парламента въ 1893 г. нижняя палата подала императору петицію, въ которой убѣдительно просила его сдѣлать послѣдній шагъ къ восстановленію имперскаго правительства, т. е. пересмотрѣть трактаты и дѣйствовать не полумѣрами, какъ это пытались дѣлать нѣсколько министровъ иностранныхъ дѣлъ подъ-рядъ, а заключить тотчасъ же договоры на основаніи полнаго равноправія. По вышеуказаннымъ причинамъ этого теперь было не трудно добиться. Графъ Мутсу преслѣдовалъ принципъ, по которому представителямъ Японіи въ иностранныхъ государствахъ слѣдовало дать полномочія, по которымъ они могли совѣщаться съ правительствами, гдѣ они были аккредитованы, о получен-

¹ Мунемитсу Мутсу, произведенный въ графское достоинство за его заслуги въ качествѣ министра иностранныхъ дѣлъ во время китайской войны, началъ свою карьеру въ первой половинѣ новой эры въ качествѣ политическаго дѣятеля, но потомъ былъ арестованъ, такъ какъ во время междоусобной войны 1876 г. онъ былъ на сторонѣ Сайго. Послѣ помилованія онъ былъ назначенъ посланникомъ въ Соединенные Штаты.

номъ ими изъ Токио проектъ пересмотра. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ переговоры были затруднительны и длились долго, такъ какъ доклады и инструкціи посылались по почтѣ, на что уходило нѣдѣли, но, въ общемъ, этотъ способъ оказался удачнымъ. Англія подписала новый договоръ въ іюль 1894 г.—еще до войны; Соединенные Штаты—во время войны, а остальные государства непосредственно послѣ нея. Всѣ эти новые договоры должны были одновременно войти въ силу въ маѣ 1899 г. и быть дѣйствительными въ продолженіе 12 лѣтъ, послѣ которыхъ договорныя стороны вполнѣ свободны отказаться отъ договора, заявивъ объ этомъ за годъ впередъ. Этими трактатами упразднена экстерриториальная подсудность, дозволено иностранцамъ пребываніе и владѣніе движимостью внутри страны. Таможенный тарифъ еще не автономенъ, ввозныя пошлины назначаются специальнымъ дипломатическимъ документомъ, приложеннымъ къ главному договору, съ которымъ онъ черезъ 12 или больше лѣтъ исчезнетъ и будетъ замѣненъ ясной и обыкновенной автономіей. Условленные тарифныя ставки отличаются, конечно, другъ отъ друга въ разныхъ государствахъ, такъ какъ главные предметы ихъ ввоза и вывоза различны. Въ договорахъ съ Китаемъ, Кореей и Сіамомъ Японія сохраняетъ право экстерриториальной подсудности своихъ подданныхъ, живущихъ въ этихъ странахъ.

Такъ закончилось передъ концомъ девятнадцатаго столѣтія послѣднее дѣло новаго имперскаго правительства. Къ этому времени, благодаря войнѣ съ Китаемъ, для японской дипломатіи возникли новыя проблемы, касающіяся Китая и Кореи, извѣстныя подъ общимъ названіемъ „Вопросовъ Дальняго Востока“, изъ которыхъ большинство еще далеко не рѣшено, такъ что наше повѣствованіе въ настоящее время должно на этомъ окончиться.

Система японской дипломатіи.

Организация дипломатической службы въ Японіи можетъ быть обрисована въ нѣсколькихъ словахъ. По 13 статьѣ конституціи право рѣшать вопросы войны и мира и заключать договоры и соглашенія принадлежитъ императору. Эта статья толкуется въ томъ смыслѣ, что въ Японіи веденіе дипломатическихъ дѣлъ, а равно и управленіе военными и морскими дѣлами составляетъ часть императорской прерогативы и находится всецѣло внѣ круга вѣдомства императорскаго парламента. Если выполненіе дипломатическаго акта требуетъ чего-нибудь такого, что, по конституціи, можетъ быть выполнено только силою закона, то такой законъ имѣетъ быть предложенъ на обсужденіе парламента, но самый дипломатическій актъ не нуждается въ одобреніи законодательнаго собранія для полученія обязательной силы. Равнымъ образомъ рѣшенія парламента по дипломатическимъ вопросамъ не имѣютъ обязательной силы и, въ лучшемъ случаѣ, могутъ быть облечены въ форму адреса императору или меморандума правительству. На интерпелляціи по поводу внѣшней политики обыкновенно дается отвѣтъ, что министръ иностранныхъ дѣлъ не имѣетъ права отвѣчать на такіе запросы.

Эти абсолютныя права монарха въ области дипломатическихъ вопросовъ при обыкновенныхъ условіяхъ осуществляютъ его кабинетскимъ совѣтомъ, и лишь въ рѣдкихъ, исключительныхъ случаяхъ императоръ прямо поручаетъ министру иностранныхъ дѣлъ вести специальное дипломатическое дѣло безъ участія кабинетскаго совѣта, какъ это было съ

пересмотромъ договоровъ. На основаніи 5 статьи указа объ учрежденіи императорскаго кабинета всѣ договоры, соглашенія и важныя международныя дѣла должны быть представляемы на разсмотрѣніе кабинетскаго совѣта (совѣта министровъ), поэтому настоящимъ главой японской дипломатіи является министр-президентъ, а не министр иностранныхъ дѣлъ, которому обыкновенно принадлежитъ инициатива, но который не можетъ рѣшить ни одного важнаго вопроса собственной властью. Таково внутреннее устройство; внѣшнимъ же образомъ, разумѣется, министр иностранныхъ дѣлъ является представителемъ императорскаго правительства передъ иностранными правительствами и ихъ представителями въ Японіи, и онъ же даетъ инструкціи представителямъ Японіи заграницей. Зная, что безъ кабинетскаго совѣта не можетъ быть принято ни одно важное рѣшеніе, иностранные посланники въ Токио иногда отправляются прямо къ министру-президенту за разрѣшеніемъ неотложныхъ дѣлъ, но этотъ послѣдній обыкновенно отсылаетъ ихъ къ спеціальному учрежденію, подчиненному ему.

Министерство иностранныхъ дѣлъ по-японски называется Гвай-му-шо и раздѣляется на три отдѣла: общій, политическій и коммерческій. Общій отдѣлъ раздѣляется на семь подотдѣловъ: личнаго состава, телеграфный, бухгалтеріи, корреспонденціи, докладовъ, переводовъ и юридическій; начальникъ его занимаетъ постъ прежняго вице-министра, не существующій въ нынѣшней организаціи. Уходъ министра иностранныхъ дѣлъ обыкновенно влечетъ за собою уходъ начальника общаго отдѣла, но начальники другихъ отдѣловъ могутъ и остаться на своихъ мѣстахъ. Всѣ начальники назначаются изъ чрезвычайныхъ комиссаровъ, хотя иногда и министры-президенты назначаются на этотъ постъ. Секретари и совѣтники, все простые комиссары, составляютъ штатъ каждаго отдѣла, при которомъ состоитъ извѣстное число „учениковъ-дипломатовъ“ въ качествѣ атташе. Кромѣ этихъ трехъ отдѣловъ и въ соотвѣтствіи съ ними существуетъ кабинетъ министра иностранныхъ дѣлъ, съ начальникомъ во главѣ и довѣренными секретарями министра, завѣдующими конфиденціальною перепиской министра и особыми дѣлами, которые министръ можетъ поручать имъ время отъ времени.

Расходы по иностранному вѣдомству должны вотиrowаться парламентомъ, точно такъ же, какъ и расходы всѣхъ министерствъ; но система, съ помощью которой можно было бы принудить секретаря иностраннаго вѣдомства излагать свою политику по неотложнымъ политическимъ вопросамъ, какъ это бываетъ въ Англіи и другихъ странахъ при обсужденіи бюджета, — эта система еще не введена или не можетъ быть введена въ Японіи, благодаря вышеупомянутой статьѣ конституціи. Въ той же конституціи есть еще одна статья, препятствующая каждой палатѣ увеличивать или сокращать безъ согласія правительства утвержденныя назначенія, т. е. расходы, вотиrowанные въ послѣднемъ бюджетѣ на осуществленіе императорскихъ прерогативъ.

Въ настоящее время Японія имѣетъ только три категоріи дипломатическихъ представителей, а именно: полномочныхъ министровъ, министровъ-резидентовъ и повѣренныхъ въ дѣлахъ. Постоянныхъ посланниковъ она не имѣетъ, хотя въ рѣдкихъ случаяхъ посылаетъ пословъ со спеціальными миссіями. Равнымъ образомъ, не существуетъ въ Японіи и иностранныхъ посланниковъ для постоянного представительства. Въ Корею вначалѣ посылался повѣренный въ дѣлахъ, а въ настоящее время министр-президентъ. Министры-президенты аккреди-

тованы также въ Сіамѣ и въ республикахъ Южной Америки, во всѣ же остальные государства въ Европѣ и Америкѣ посылаются полномочные министры. И тѣ, и другіе суть чрезвычайные комиссары, и хотя въ теоріи этотъ постъ доступенъ всякому, однако, въ послѣдніе годы утвердился обычай, по которому его можетъ получить лишь лицо, прошедшее правильный дипломатическій испусъ на отечественной службѣ или въ иностранныхъ посольствахъ. Назначеніе остального персонала иностраннаго вѣдомства и посольствъ носить строго исключительный характеръ, т. е. назначаются лишь лица, прошедшія опредѣленный курсъ, требуемый уставомъ о назначеніи и движеніи по службѣ чиновниковъ дипломатическаго вѣдомства. Этотъ курсъ начинается званіемъ „ученика-дипломата“ или „ученика-консула“, которое дается по выдержаніи особаго государственнаго конкурснаго экзамена. Въ настоящее время Японія имѣетъ заграницей четырнадцать посольствъ; при важнѣйшихъ изъ нихъ состоятъ военные или морскіе атташе, или тѣ и другіе одновременно.

По консульской службѣ Японія имѣетъ генеральныхъ консуловъ, консуловъ перваго и втораго класса, вице-консуловъ и учениковъ-консуловъ. Назначеніе ихъ также носить исключительный характеръ, хотя иногда дипломатическій персоналъ набирается и изъ консульскихъ чиновниковъ. Въ настоящее время Японія имѣетъ заграницей около пятидесяти консульствъ, значительная часть которыхъ приходится на Китай, Корею и Индію. Въ Европу и Австралію назначаются и торговые консулы, но ихъ число быстро падаетъ¹. Разъ въ мѣсяцъ иностранное вѣдомство публикуетъ торговые отчеты въ видѣ памфлетовъ, въ которыхъ можно найти всѣ донесенія консуловъ. Только въ самое послѣднее время консулы въ Бомбей, Нью-Йоркѣ, Ліонѣ и Шанхаѣ получили приказъ доставлять еженедѣльные отчеты по телеграфу. Японія все еще нуждается въ искусственныхъ консулахъ, которые умѣли бы быстро и съ пользою изготовлять коммерческіе отчеты.

Что касается дипломатическихъ публикацій, то такія вещи, какъ Синяя Книга, еще не извѣстны въ Японіи. Только однажды, послѣ Китайской войны, правительство опубликовало нѣкоторые дипломатическіе документы въ отдѣльномъ оттискѣ Оффиціальной Газеты. Обыкновенно-же сообщенія недипломатическаго характера, напримѣръ, о карантинахъ въ иностранныхъ портахъ, о перемѣнахъ въ иностранныхъ законахъ, затрагивающихъ нашу торговлю, и т. п. публикуются въ Оффиціальной Газетѣ подъ заголовкомъ: „Сообщенія посольствъ и консульскія донесенія“.

Большимъ недостаткомъ японской дипломатической системы является ея излишняя таинственность. Разумѣется, всѣ переговоры должны вестись втайнѣ, хотя и здѣсь бывають случаи, когда нація можетъ только выиграть отъ своевременнаго раскрытія фактовъ. Но у насъ всѣ дипломатическія сношенія держатся въ секретѣ и во время переговоровъ, и послѣ окончанія таковыхъ, обнаруживаясь только благодаря случаю, чаще всего, когда о нихъ публикуетъ въ своихъ оффиціальныхъ отчетахъ иностранное правительство. Ежегодно десятки важныхъ дипломатическихъ вопросовъ возникаютъ и такъ или иначе разрѣшаются дипломатическимъ путемъ, причемъ народъ въ огромномъ

¹ До войны во Владивостокъ назначался коммерческой агентъ, такъ какъ Россія не допускала здѣсь пребыванія иностранныхъ консуловъ.

большинствѣ случаевъ даже и не подозрѣваетъ ихъ существованія. Общественное мнѣніе не оказываетъ постоянного вліянія на дипломатическія дѣла, ибо оно лишено надлежащаго руководства, и въ этомъ отношеніи не произошло почти никакого измѣненія со времени введенія конституціоннаго режима.